КИТАЙСКІЙ СИРОТА

ТРАГЕДІЯ.

Господина

ВОЛТЕРА.

ПЕРЕВЕДЕНА съ ФРАНЦУЗСКАГО.



ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Государственной Военной коллегіи

1788 года.

ЕГО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ

САЛТЫКОВУ,

ГОСПОДИНУ

ГЕНЕРАЛУ-АНШЕФУ,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГЕНЕРАЛУ-АДЪЮТАНТУ,

Лейбъ-Гвардiи Семеновскаго полку

ПОДПОЛКОВНИКУ;

ОРДЕНОВЪ РОССIЙСКИХЪ:

Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, святаго Александра Невскаго, святаго Равно-Апостольнаго Князя Владимiра первыя степени Большаго Креста; Польскаго Бѣлаго Орла и Великокняжескаго Голстинскаго святыя Анны

КАВАЛЕРУ,

Усерднѣйшее приношенiе.

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь!

Слѣдуя общему правилу посвящать труды свои душевными добротами сіяющимъ Особамъ, повергаю себя и сей маловажный переводъ мой въ милостивое покровительство Ваше. Не отриньте, милостивый Государь, сей малый трудъ и отворите благосклонностію Вашею путь къ вящему упражненію тому, который поставляетъ за особливое щастіе съ высокопочитаніемъ называться,

Вашего Высокопревосходительства!

Милостиваго Государя

Преданнѣйшій Слуга
Василій Нечаевъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, *Императоръ Татарскій.*

ОКТАРЪ, } *Воины Татарскіе.*
ОСМАНЪ, }

ЗАМТИ, *Китайскій Вельможа Духовнаго чина.*

ИДАМЕ, *Жена Замтіева.*

АССЕЛІЯ, *Наперстница Идаме.*

ЭТАНЪ, *Наперстникъ Замтіевъ.*

Дѣйствіе въ Храмѣ Вельможъ, который напротивъ Императорскаго Дома въ городѣ Камбалу, что нынѣ Пекинъ.



ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Явленіе I.

ИДАМЕ и АССЕЛІЯ.

ИДАМЕ.

Возможно ли, что днесь во времена нещастны,
Во дни грабительства, смятенія ужасны,
Когда въ сей храмъ ужъ входъ Татарамъ отворенъ,
Народомъ варварскимъ, коль кровью обагренъ,
Паденье страшно зримъ и люту гибель міра:
Подъ иго звѣрское Престолъ падетъ, Порфира!
Когда возмогъ насъ рокъ столь злобно покарать,
Лютѣе можетъ ли, что грудь мою терзать?
Возможетъ ли еще, готовя вновь напасти,
Судьбина гнѣвная простерть къ мученью власти?

АССЕЛІЯ.

Кто жъ не возчуствовалъ общественну напасть,
И не нашелъ свою особо въ оной часть?
Всякъ къ Небу томный гласъ отсюда возвышаетъ:
Братъ брата, сынъ отца въ послѣдній обнимаетъ.

Обширенъ замокъ сей, нельзя Татарамъ знать;
Гдѣ тайно Государь изволитъ пребывать;
Но нѣкому при немъ оружьемъ защищаться,
Младенцамъ, старикамъ, за нихъ нѣтъ силъ приняться;
Не знаемъ мы еще конца своимъ бѣдамъ,
Увы! быть можетъ, что лїется кровь и тамъ;
Мы зримъ, что молнїи повсюда днесь сверкаютъ,
Конечно нашимъ днямъ паденье возвѣщаютъ!

ИДАМЕ.

О рокъ! жестокїй рокъ! о ты Верховна Власть!
За что судили вы столь славну Трону пасть!
Асселїя скажи, чьей тягостной рукою
Лишаемся мы днесь и жизни и покою?

АССЕЛІЯ.

Зовется сей тиранъ Царемъ Царей земныхъ!
Тотъ самой Чингисъ-Ханъ, что въ подвигахъ презлыхъ
Цвѣтущу Азїю мечемъ опустошаетъ,
Пространной смертнымъ гробъ изъ оной созидаетъ;
Правитель войскъ его по имени Октаръ,
Повсюда носитъ страхъ и пламенный пожаръ.
Преходитъ нашъ Китай подъ новое правленье,
Столицей прежде бывъ и свѣта удивленье,
Кропится кровїю вѣрнѣйшихъ согражданъ
И варварской рукой съ величїя попранъ.
Вотъ! что, я слышала, Китайцы здѣсь кричали
И возглася сїе, со стономъ умирали.

ИДАМЕ.

Тирана ты сего Асселїя познай,
Что кровїю омылъ обширнѣйшїй сей край,
Что Троны гордые ногою попираетъ,
Прекрасны зданїя въ пустыни претворяетъ;

Простой онъ только Скиѳъ, въ пылу огня рожденъ;
Злодѣйствомъ на сїе достоинство взведенъ.
Ты помнишъ! какъ онъ былъ гонимъ тогда своими;
Когда его нашли передъ стѣнами сими;
Отъ нихъ убѣжища въ сей градъ просилъ у насъ;
А имя мнѣ его, какъ помнится, Тахмасъ.

АССЕЛIЯ.

Такъ это самой тотъ, что страстно въ васъ влюбился
И страстнымъ будучи, вѣкъ вашимъ быти льстился:
Отцу онъ твоему о бракѣ предлагалъ:
Но то родитель твой съ презрѣньемъ отвергалъ;
А днесь Тахмасъ Царей въ оковы заключаетъ
И именемъ своимъ вселенну ужасаетъ.

ИДАМЕ.

И прежде храбростью себя онъ отличалъ;
Величествомъ своимъ предбудущимъ сїялъ,
И хоть онъ помощи просилъ здѣсь отъ правленья;
Однако жъ и при томъ не зналъ уничиженья;
Порабощенно все казалося ему,
А онъ порабощенъ былъ сердцу моему;
Казался стоющимъ быть нашимъ гражданиномъ;
Иль можетъ быть тогда въ его свирѣпствѣ львиномъ
Любовна пламени огнь лютость пожиралъ,
Которымъ онъ тогда, любя меня, пылалъ.
Не разрушалъ бы днесь огромны наши грады;
Когда бъ любви его не сдѣлали преграды.
Отказъ всеобщее нещастье произвелъ;
Плачевны слѣдствїя и гибель намъ навелъ.
Почтенный нашъ законъ преграду поставляетъ:
Да съ симъ народомъ бракъ ни кто не совершаетъ.

СупругомЪ Замти мнѣ данЪ НебомЪ на конецЪ,
БлагословенЪ сЪ высотЪ имѣю я вѣнецЪ !
Представить могЪ ли кто, отЪ Скиѳа чтобЪ презрѣнна,
Имперія сія могла быть раззоренна !
ВЪ отчаяньи моемЪ еще того страшусь ,
Что, какЪ супругой бывЪ , глазамЪ его явлюсь ;
ОнЪ будетЪ мстить за то , что имЪ пренебрегала
И брачна таинства сЪ другимЪ союзЪ связала.
Превратная судьба ! нечаянный ударЪ !
Ты общій произвелЪ сей гибельный пожарЪ !
Безчисленный народЪ столь славный погибаетЪ ,
ПодЪ иго СкиѳЪ его свое порабощаетЪ ,
КакЪ АгнецЪ всякой лишЪ туда влекущЪ идетЪ ;
Гдѣ смерть жестокая его сразити ждетЪ.

АССЕЛІЯ.

Союзно воинство , какЪ слышно , сЪединенно :
Но правда то , иль нѣтЪ , все кажется, сомнѣнно.
Знать намЪ не миновать тирана звѣрска рукЪ !

ИДАМЕ.

Невѣрная молва мнѣ множитЪ болѣ мукЪ !
Не знаю чѣмЪ сіе нещастье пресѣчется ?
Гдѣ ИмператорЪ нашЪ , и какЪ враговЪ спасется,
НашелЪ ли защищать себя онЪ тамЪ кого ,
И гдѣ нещастная супруга днесь его ?
Не знаю , живы ли, или ужЪ дни скончали ;
Давно похитить жизнь злодѣи ихЪ алкали ,
Давно ужЪ ставили кругЪ Царска дома сѣть ,
Дабы коварствомЪ ихЪ паденье могЪ имѣть ;
Послѣдній плодЪ любви отЪ брака столь священна ,
ВЪ нещастіяхЪ сихЪ злыхЪ мнѣ вЪ вѣрность порученна,
Я вспомнить не могу безЪ горька тока слезЪ,
Покрова жду ему , но тщетно отЪ НебесЪ.

Супругъ мой къ варварамъ направилъ путь въ чертоги,
Да въ предпріятіяхъ ему помогутъ Боги !
Онъ можетъ звѣрство ихъ злодѣйско умягчить
И жалость во сердца тиранскія вселить.
О Богѣ, сколь они, ни мало смыслъ имѣютъ,
То обагрить чертогъ священный не посмѣютъ;
Но я напрасно льщусь, ни что ихъ не смягчитъ,
А къ звѣрству вящему и злобѣ вспламенитъ;
Надежду лестную языкъ хоть мой вѣщаетъ,
А въ сердцѣ страхъ единъ и трепетъ обитаетъ.

Явленіе 2.

ИДАМЕ, ЗАМТИ и АССЕЛІЯ.

ИДАМЕ.

Нещастливый супругъ, тебя ли вижу я !
Скажи ! когда узримъ конецъ бѣды сея ?
Скажи ! что видѣлъ ты ?

ЗАМТИ.

Сказать тебѣ не смѣю,
Отъ воображенія трясусь и леденѣю;
Со всѣхъ сторонъ себя нещастіе влечетъ;
Свирѣпство лютое на всѣхъ гражданъ ліетъ.
Имперія и Тронъ, на вѣкъ съ высотъ упали,
Противниковъ мечемъ цвѣтущіе увяли.
Чтить добрыя дѣла къ чему служило намъ?
Законы подавать обширнымъ симъ странамъ.

Къ чему примѣромъ быть пространнѣйшему свѣту
И къ добродѣтели единой ставить мѣту?
Премудрость здѣсь ничто! невѣжествомъ затмѣнна,
Она злочинною Ордою утѣсненна!
Повсюда мечь одинъ злодѣйской ихъ сверкалъ
И землю кровїю, какъ влагой, умащалъ.
Я видѣлъ мертвые собратїя лежали
И путь собой врагамъ въ чертоги созидали,
По коему пройдя въ домъ Царскїй ворвались,
Кровавы токи тамъ ручьями пролились.
Въ лютѣйшей ярости домъ Царскїй окружали,
И все неистовство и звѣрство обнажали.
Величественный видъ Монархъ тогда имѣлъ
И на злодѣевъ сихъ безъ робости смотрѣлъ;
Въ обьятїяхъ держалъ лишенну чувствъ супругу,
Надежды неимѣвъ на подданныхъ услугу;
Всей помощи лишенъ, духъ бодрый въ немъ являлся,
Величествомъ своимъ, какъ свѣтомъ, озарялся;
А чадъ четы святой, достигнувшихъ тѣхъ лѣтъ,
Въ которыхъ Марсъ уже къ оружїю зоветъ,
Безбожно всѣхъ мечу и лютости предали,
Въ глазахъ отеческихъ на уды ихъ терзали,
Единыхъ въ юности младенцовъ изключа,
Которые чела слезами омоча,
Къ колѣнамъ варварскимъ главы свои склонили
И воплемъ жалостнымъ о милости просили.
Обходомъ тайнымъ я по Царскому дворцу
Со ужасомъ спѣшилъ къ нещастному отцу;
Все зрѣлъ то варварство, которо тамъ чинили,
Монарху нашему оковы наложили.
Влачили ужъ оттоль, чтобъ смерти всѣхъ предать,
Отца, дѣтей и ихъ почти умершу мать.

ИДАМЕ.

ИДАМЕ.

О небо! се ль судьба достойная Царя!

ЗАМТИ.

Потомъ нещастный Царь свой взоръ ко мнѣ простря,
Вѣщалъ: хоть младшаго сего храни ты сына,
Когда намъ гибнуть всѣмъ предписана судьбина.
Суди! какъ мнѣ ему сего не обѣщать
И какъ старанія о семъ не прилагать;
Едва я съ силою ослабщею собрался,
Сквозь варварску толпу озлобленныхъ продрался,
Обходомъ тайнымъ я оттуда отошелъ
И сей драгой залогъ съ собою къ вамъ привелъ.
Не знаю, какъ меня злодѣи пропустили
И похищенія сего не возвратили.
Почтили можетъ мой Министра Божья Санъ,
Что Богомъ со Небесъ Самимъ мнѣ низспосланъ;
Или Великій Богъ невинность сохраняя,
Опредѣлилъ собречь, ихъ взоры помрачая;
Иль духомъ скрылъ его въ обьятіяхъ моихъ;
Или всей лютости развѣялъ злобу ихъ.

ИДАМЕ.

Старательно о немъ намъ должно днесь пещися,
Дабы отъ варваровъ сихъ злыхъ онъ могъ спастися,
Побѣгомъ думаю, его намъ можно скрыть;
Вели Этану насъ изъ града проводить,
Туда, гдѣ нѣтъ еще ихъ лютаго свирѣпства,
Во непричастныя мѣста ихъ злаго звѣрства;
Нѣтъ пользы, жалобу на лютость намъ чинить,
Идемъ, умремъ, или его потщимся скрыть!

ЗАМТИ.

Возможно ль! Царскій сынъ покрова не имѣетъ,
Убѣжища лишенъ и странствовать довлѣетъ!
Кореанъ жду хоть я, но поздо будетъ то,
Преобратится все злодѣями въ ничто.

Явленіе 3.

ЗАМТИ, ИДАМЕ, АССЕЛІЯ и ЭТАНЪ.

ЗАМТИ.

Куда бѣжишъ, Этанъ, въ смятеніи толикомъ?

ИДАМЕ.

Бѣжимъ и мы отсель, бывъ въ страхѣ толь великомъ.

ЭТАНЪ.

Нѣтъ способовъ уже вездѣ насъ стерегутъ
И выхода отсель изъ града не даютъ.
Престольный нашъ Китай злодѣямъ покорился:
А съ Императоромъ на вѣки я простился.

ЗАМТИ.

Его ужъ болѣ нѣтъ!

ИДАМЕ.

О Боги!

ЭТАНЪ.

Его нѣтъ!
Съ супругою своей, съ дѣтьми оставилъ свѣтъ.
Божественна семья, что свѣтомъ цѣлымъ чтилась,
Мечемъ сихъ варваровъ на вѣки истребилась.
Отягощенны бывъ Герои сей войной,
Знамена преклонивъ, скончали лютый бой.

Имъ

Имъ жизнь злодѣи всѣмъ поносну даровали
И плѣнныхъ во шатры свои подъ стражу взяли.
Я слышалъ Чингисъ-Ханъ обидой распаленъ,
Отмщенїемъ сюда на гибель приведенъ,
Въ шатрахъ привыкши жить, нашъ городъ не навидитъ,
Преобращенный въ степь ужъ скоро онъ увидитъ.
Огромны зданїя всѣ хочетъ раззорить,
Науки и Права невѣжествомъ затмить,
Градъ, коего Востокъ блистанью удивлялся,
Которой много лѣтъ искуствомъ созидался,
Въ ничтожество теперь явится превращенъ,
Законовъ Вышняго и Царскихъ Правъ лишенъ.

ИДАМЕ.

Озлобленна сего на гибель месть зазвала,
Надежда вся моя изчезла и пропала.

ЗАМТИ.

Намъ Богу должно днесь молиться и просить,
Дабы дни юнаго помогъ онъ сохранить.
Почто Татаринъ сей къ намъ образъ свой являетъ?

ИДАМЕ.

Конечно нашу жизнь похитити алкаетъ.

Явленїе 4.

ЗАМТИ, ИДАМЕ, АССЕЛІЯ, ОКТАРЪ, и ВОИНЫ.

ОКТАРЪ.

Внимайте плѣнные велѣнїю побѣдъ!
Которымъ покоренъ пространнѣйшїй сей свѣтъ.
Въ подданствѣ ревностно послушность окажите
И исполненїе отвѣтомъ мнѣ явите.

Остатокъ есть у васъ прежде бывшихъ здѣсь Царей,
Подъ вашимъ вѣденьемъ хранится юный сей,
Для истребленія велѣнію внемлите,
Остатокъ крови сей не медля мнѣ вручите.
Творю приказъ такой я именемъ того,
Кто градъ сей покорилъ и царствіе его;
Хоть мало медлѣнность исполнить то явится,
Послѣдній здѣсь вашъ родъ на вѣки истребится,
И день пока еще теченья не скончалъ,
Ко побѣдителю, младенецъ, что бъ предсталъ.

Явленіе 5.

ЗАМТИ и ИДАМЕ.

ИДАМЕ.

Къ чему ты насъ ведешъ, о гнѣвная судьбина!
Минута не пройдетъ безъ вящихъ золъ едина,
Все множитъ со часа кровава тягость бѣдъ,
Къ какому гибельну концу ведетъ сей слѣдъ?
Скажи! что дѣлать намъ? ты вздохи возсылаешъ,
Гоненіе Небесъ симъ тщетно умоляешъ;
Царей толикихъ сынъ на люту смерть идетъ,
Простой солдатъ вершить ударъ взнесенный ждетъ
И нудитъ силою приказъ свой злой внимати,
Что бъ жизнь невиннаго лютѣйше окончати,
Возможно ль варварство толико учинить!

ЗАМТИ.

Доколь я живъ еще, потщусь его хранить.

ИДАМЕ.

Старанія твои мнѣ мнятся безъ полезны,
Ударъ, что бъ отвратить для насъ толико слезный,
Какъ можешъ силѣ ихъ противности явить?

ЗАМТИ.

Что бЪ жизнь невиннаго злодѣямЪ посвятить,
Возможно ль то снести!

ИДАМЕ.

Представити не можно!
БезЪ горька тока слезЪ помыслить не возможно,
БезЪ ужаса сего не льзя вообразить,
Что бЪ дать послѣднюю Цареву кровь пролить:
И ежели бЪ судьба того меня лишила,
Котораго вЪ своей утробѣ я носила,
Сказала бы тебѣ: пойдемЪ за ними вЪ слѣдЪ,
Коль кровь ихЪ пролилась и ихЪ на свѣтѣ нѣтЪ.

ЗАМТИ.

Жестокость вобразивЪ, какЪ Царскій домЪ скончался,
Кто бЪ смертью пренебрегЪ и оной отказался.
Повинному страшна, нещастный смерть зоветЪ:
Неустрашимой же во слѣдЪ за ней идетЪ;
А мудрой ждетЪ ея и не скорбитЪ ни мало.

ИДАМЕ.

Смерть злобная остритЪ повсюда смертно жало!
Но ты, вѣщая мнѣ, являешЪ смутный зракЪ!
Какой еще мутитЪ твой духЪ тревожный знакЪ?
Хоть сердце мнѣ твое смятеніе вѣщаетЪ;
ОднакЪ рѣшенія оно еще не знаетЪ.

ЗАМТИ.

Рѣшеніе мое, что бЪ клятву сохранить
И отроку сему, пока я живЪ, служить:
Иди теперь кЪ нему, я скоро тамЪ явлюся.

ИДАМЕ.

Я вздохами спасать и плачемЪ ополчуся.

ЯВЛЕНІЕ

Явленіе 6.

ЗАМТИ и ЭТАНЪ.

ЭТАНЪ.

Престань, о Государь! о здравіи радѣть,
Коль хочешъ всѣхъ спасти, онъ долженъ умереть.

ЗАМТИ.

Предвижу должно намъ ихъ алчность утолити
И жизнь невиннаго симъ варварамъ вручити,
Плачевно дѣйствіе не избѣжимо зрѣть,
Иль жертву вознести, иль вкупѣ умереть.
Имперій имя ты, хоть мало почитаешъ,
Коль Бога и законъ Его святѣйшій знаешъ....

ЭТАНЪ.

Къ Нему единому всю мысль мою стремлю,
Его единаго въ нещастіи молю.

ЗАМТИ.

Величіемъ Его и именемъ божися,
Исполнить ревностно ту клятву обяжися;
Всѣмъ нужда общая и польза настоитъ,
Глаголомъ устъ моихъ Самъ Богъ къ тебѣ гласитъ:
Долгъ Члена есть, чтобъ быть Отечеству полезну,
А паче отвратить ударъ и гибель слезну.

ЭТАНЪ.

Исполнить твой приказъ всей Святостью божусь
И коль къ измѣнѣ я рукой своей коснусь,
Да поразитъ меня Всевышняго десница
И скроетъ свѣтъ очей моихъ сей часъ гробница.

ЗАМТИ.

ЗАМТИ.

Когда рѣшился ты, тому уже такъ быть.

ЭТАНЪ.

Что жъ нудитъ горькихъ слезъ тебя потоки лить?
Какая нова грусть еще въ тебя вселилась
И въ сердце скорбное къ нещастїямъ вмѣстилась?

ЗАМТИ.

Споснѣйшее изъ золъ довлѣетъ избирать.

ЭТАНЪ.

Твое ль рожденїе рокъ хочетъ покарать?

ЗАМТИ.

Я подданный его.

ЭТАНЪ.

Отца его мы были
И Императоромъ его едина чтили.
Велѣнья жду теперь, вѣщай мнѣ свой приказъ?

ЗАМТИ.

Ты знаешъ мнѣ не льзя, ни на единый часъ,
Оставить здѣшнїй градъ, вездѣ за мной стрегущїй:
Всѣ подозрѣнїи къ единому ведущїй;
Ты вольностью теперь воспользуйся своей,
Которой я лишенъ среди напасти сей;
Безцѣннѣйше для насъ прїйми сїе рожденье,
Со тщанїемъ береги ты дней его теченье,
Велитъ Природа намъ, къ Отечеству любовь,
Дабы соблюсть сїю послѣдню Царску кровь.

ЭТАНЪ.

Но какъ безъ жертвы ты злодѣямъ появишся
Ты всѣхъ мечу предашъ и жизни самъ лишишся.

ЗАМТИ.

Я знаю звѣрство ихъ, чѣмъ можно потушить.

ЭТАНЪ.

ЭТАНЪ.

ЧѢмЪ ?

ЗАМТИ.

Варварствомъ, хочу ту жертву замѣнить;
Я сына, лютости отдати ихъ рѣшился.

ЭТАНЪ.

Возможно ль! сына! ты!

ЗАМТИ.

Что бъ буншъ сей утушился;
Пусть кровь лїютъ мою, возми. . . . неси . . . . отдай!

ЭТАНЪ.

Какой приказъ!

ЗАМТИ.

Мою ты нѣжность почитай:
Нещастїе мое хоть мѣры превосходитъ;
Но разумъ способа другаго не находитъ.
Обѣтъ предъ Божествомъ и клятву не забудь
И исполнителемъ Всевышней воли будь.

ЭТАНЪ.

О клятвѣ я своей уже раскаеваюсь,
О долгъ! ужасный долгъ! къ чему приготовляюсь!
Великодушїю со ужасомъ дивлюсь,
Какъ къ исполненїю столь звѣрскому коснусь!
Коль дружба! . . .

ЗАМТИ.

Ни чѣму нѣтъ силъ моихъ внимати,
Престань ты болѣе мнѣ сердце раздирати
И медля множити его жестокость ранъ;
Ударъ плачевный сей мнѣ Небомъ низпосланъ,
Ни дружбы, ни родства теперь не ощущаю,
Ступай . . . .

ЭТАНЪ.

Иду, мой долгъ.

ЯВЛЕНІЕ

Явленїе 7.

ЗАМТИ *Одинъ*.

Кого теперь караю.
Я крови не щажу, нещастливый Отецъ!
Мой сынъ мечемъ умретъ, о пагубный конецъ!
Супруга воплемъ мнѣ и стономъ слухъ пронзаетъ,
А смерть младенцева мнѣ сердце раздираетъ.
Противу естества мы слабы устоять,
О Боже! подкрѣпи въ напасти бѣдну Мать.

Конецъ перваго дѣйствїя.

* * * *
* * * *

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленіе 1.

ЗАМТИ *Одинъ.*

Этана нѣтъ еще, а время возвратиться,
Прибытія его мой взоръ и слухъ страшится.
Мнѣ нужно зрѣть его, но зрѣть его боюсь,
О смерти отрока вниманія трясусь;
Мой сынъ! любезной сынъ! ты варварствомъ скончался,
Твоею кровію Тигръ алчный насыщался;
Достало силъ во мнѣ на смерть тя осудить,
Не знаю, возмогу ль я ревенье сердца скрыть!

Явленіе 2.

ЗАМТИ и ЭТАНЪ.

ЗАМТИ.

Печальный образъ твой отвѣтъ уже вѣщаетъ.

ЭТАНЪ.

Нещастливый твой сынъ....

ЗАМТИ.

Пускай онъ умираетъ.
Гдѣ сынъ Царей, или его ужъ болѣ нѣтъ?
О немъ вѣщай!

ЭТАНЪ.

Онъ живъ, и дни свои ведетъ.

Въ гробницѣ, въ коей прахъ Царей еще хранится;
Теченьемъ дней своихъ тебѣ онъ одолжится
И тѣмъ, что сокровенъ отъ злобна ока ихъ.

ЗАМТИ.

Онъ здравствуетъ! онъ живъ! сокрытъ отъ Тигровъ злыхъ!
О вы! къ кому теперь столь вѣрностью пылаю,
Простите слабости, что слезы отираю,
Ихъ нѣжность отческа обильно нудитъ лить.

ЭТАНЪ.

Безъ опасенія въ тоскѣ ты зришся быть.

ЗАМТИ.

Куда сокроюсь я, и что начать, не знаю,
Удара отвратить отъ Идаме не чаю;
И чѣмъ злощастну мать возможно подкрѣпить?
Ахъ! естьли бъ вѣсть сію отъ ней на время скрыть.

ЭТАНЪ.

Дитя твое въ ея отсудствіи схватили
И побѣдителю жестокому вручили;
Я жъ ревностно спѣшилъ исполнить твой приказъ
И отрока Царей отъ ихъ исканій спасъ.

ЗАМТИ.

Хотя бы ей сказать, Этанъ, что онъ хранится,
Доколѣ тишина во градъ не водворится,
Что сына Царскаго рѣшилися отдать,
Дабы престали здѣсь кровь смертныхъ проливать:
Ахъ! часто истинна жестокою бываетъ
И часто тѣхъ, кто чтитъ, нещастьемъ поражаетъ.
О Небо! вотъ она къ намъ образъ свой несетъ;
Страхъ, ужасъ, смерть и скорбь, все въ слѣдъ за ней идетъ.

Явленіе 3.

ЗАМТИ и ИДАМЕ.

ИДАМЕ.

Что зрѣла я! ужель сіе твоимъ велѣньемъ,
Ужель ты замѣнить могъ собственнымъ рожденьемъ!
Ты плачешъ! я то зрю.

ЗАМТИ.

Восплачь и ты со мной
И знай, что онъ намъ Царь, какъ мой, равно и твой.

ИДАМЕ.

Что бъ сына варварамъ я въ жертву посвятила!
И что бъ въ своей крови я руки обагрила!

ЗАМТИ.

Отечеству служить на свѣтъ ты рождена,
Не матерью ты въ немъ, сочленомъ сочтена.

ИДАМЕ.

Безъ ужаса на смерть ты сына отсылаешъ,
Ты жалости ко мнѣ совсемъ не ощущаешъ.

ЗАМТИ.

Обязанность хранить я святостію чту
И сыну своему кровь Царску предпочту.

ИДАМЕ.

Я стѣны градскія зрю въ пепелъ обращенны,
Чертоги Царскіе всѣ кровью обагренны:
Владѣтелей сихъ странъ одинъ остался прахъ,
Повсюда злобна смерть летала на крилахъ.
Страшишся ты Царей, которы дни скончали,
Злодѣи ихъ тѣла на части разтерзали;

Уже

Ужель такъ присягнулъ умершимъ симъ Богамъ!
Что сына своего на жертву отдалъ самъ.
Царей Санъ есть великъ и вкупѣ малъ бываетъ,
Ихъ блеска малый знакъ отъ прочихъ отличаетъ:
По естеству и въ злыхъ нещастїяхъ равенъ,
Всякъ смертный скорбїю своею удрученъ.
Со мною, что бы днесь! увы! что бъ приключилось,
Когда бъ, умедля я, ко сыну обратилась!
Коль къ Царску отроку на помощь бы пошла,
Не чаю, сына, что бъ въ живыхъ уже нашла.
Ужасный сей ударъ, какъ будто предузнала,
У вратъ я хищниковъ съ невиннымъ удержала
И выкупя его, сыновню жизнь спасла,
По коей бы и я жить болѣ не могла.

ЗАМТИ.

Такъ сынъ мой живъ еще!

ИДАМЕ.

Онъ живъ; а ты раскайся
И въ сей жестокости предъ Богомъ оправдайся.

ЗАМТИ.

Драгая Идаме не радуйся сему,
Отсрочка краткая то сыну моему;
Тая его, узримъ гражданъ всѣхъ побїенныхъ
И нашихъ сродниковъ, и насъ окровавленныхъ;
Ты тщетно думаешъ отъ поисковъ сокрыть,
Когда уже его стремятся погубить:
Коль участь такова, не должно противляться.

ИДАМЕ.

Въ отчаяньи меня ты долженъ опасаться.

 ЗАМТИ.

ЗАМТИ.

По должности одной измѣны я страшусь,
А болѣ ни о чемъ въ смятеньи не пекусь.
Единой вѣрности усердіемъ пылаю
И въ вѣрности скончать дни горестны желаю,
Пожертвуй жизнію своею и моей:
Сей алчущій тиранъ да насытится ей,
Поди! проси его! пусть дни мои скончаетъ
И вѣрность ко Царю пускай мою познаетъ!
Симъ клятвы всѣ мои въ ничто преобрати;
Не трудно къ оному въ сей злобный день дойти:
Убійцъ однихъ дѣла сей страшный день являетъ,
Едины лютости и смерть изображаетъ.
Поди и испусти супруга вѣрна кровь,
Гробницу общую съ Царемъ ему готовь.

ИДАМЕ.

Я праху Царскому симъ зломъ не долженствую,
Что бъ варварствомъ воздать имъ жертву таковую:
Хоть святостію чтимъ рабомъ вѣрнѣйшимъ быть,
Но можно ль имя то съ супругомъ соравнить;
Супруга и отца, столь имена священны!
Десницей Вышняго премудро учрежденны.
Единый сей законъ Богами низпосланъ;
А въ прочемъ смертнаго рукою начертанъ.
Не раздражай свою супругу огорченну,
Въ презрѣнье не вводи мнѣ кровь сію почтенну;
Мы можемъ сираго младенца сохранить
И охранявъ его убійцами не быть.
Не мыслити о немъ, то было бы безбожно!
Теку къ спасенію, когда спасти возможно,

Скорблю,

Скорблю, крушусь о немъ. Ахъ! сжалься надо мной
И надъ невиннымъ симъ, и надъ самимъ собой!
Я болѣе тебѣ уже не угрожаю,
Къ колѣнамъ падъ твоимъ, со стономъ умоляю,
Нещастливый! драгїй! нѣжнѣйшїй мой супругъ!
О! человѣчества не ложно вѣрный другъ!
Злощастливый отецъ, зри слезы, проливаю!
Пощады отрока невинна ожидаю.
Тотъ смертный, коимъ ты въ подданство приведенъ,
Воспомни, для тебя былъ мною здѣсь презрѣнъ!
Любовь чистѣйшая насъ бракомъ съединила:
Въ утробѣ сына я нещастнаго носила:
Воспомни, не отринь стенящїя моленье!
Смягчись, не жертвуй имъ, оно мое рожденье.

ЗАМТИ.

Возможно ли еще тебѣ воспротивляться,
Противу должности престани ополчаться.
Престань ты чувствїя столь слабыя казать!

ИДАМЕ.

Прости! я отроку сему злощастна мать.
Мнѣ выговоръ такой не можетъ относиться,
Коль долгъ во слѣдъ тебѣ ко смерти устремится!
Супругъ! не льзя ль инымъ чѣмъ злобу утушить?
Не льзя ль нещастну мать за сына умертвить?
На все дерзаю я, всѣ муки презираю:
Тебѣ подобна я! иду и умираю.

Явленiе 4.

ЗАМТИ, ИДАМЕ, ОКТАРЪ и ВОИНЫ.

ОКТАРЪ.

Возможно ль плѣнникамъ такъ дерзновеннымъ быть!
И какъ осмѣлились вы то не возвратить
И пренебречь приказъ! (*Къ Воинамъ*) за ними въ слѣдъ идете!
Гдѣ скрытъ младенецъ сей, не медля изыщите!
Ступайте! Государь хотѣлъ сюда прибыть:
Спѣшите жертву ту къ ногамъ его склонить!

ЗАМТИ.

Къ покорности готовъ, младенца не скрываю.

ИДАМЕ.

Жестокiе! пока я жизнь не окончаю,
Онъ будетъ сохраненъ, прервите жизнь мою.

ОКТАРЪ.

Влеките прочь отсель отважную сiю!
Се Царь нашъ! плѣнникамъ входъ въ Храмъ сей воспрещайте
И недостойныхъ сихъ къ лицу не допускайте.

Явленiе 5.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, ОКТАРЪ, ОСМАНЪ и ВОИНЫ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Хочу побѣдамъ я границу положить,
Съ часа сего, чтобъ мечь престалъ кровь смертныхъ лить.

Остав-

Оставшимъ плѣникамъ всѣмъ жизнь, что бъ даровали
И больше бъ зданія и градъ не раззоряли.
Довольно мщеніемъ я ужаса навелъ,
Которымъ столь давно къ столицѣ сей горѣлъ;
Потушимъ огнь и пылъ, пусть миръ здѣсь водворится,
Геройскихъ подвиговъ пусть рвенье прекратится;
Осталось только намъ домъ Царскій истребить,
Оставшейсь плодъ Царей въ младенцѣ прекратить.
Престаньте раззорять сей градъ окровавленный,
Пространствомъ времени, искуствомъ сооруженный;
Пусть дальный родъ нашъ зритъ Геройскія дѣла
И что моя рука сей гордый Тронъ трясла;
Что храбрые сіи народы покоряла
И что собою всю Вселенну ужасала;
Не трогайте вы ихъ закона кучу дѣлъ,
Что бъ дѣйствіе онъ то жъ у плѣнниковъ имѣлъ.
Плодъ разума, хотя презрѣнье въ васъ раждаетъ;
Однако сей народъ къ покорству побуждаетъ.
Октаръ, къ Востоку ты съ знаменами ступай.

(*Къ одному изъ свиты.*)

Ты въ Индію съ однимъ отрядомъ поспѣшай,
Пока я къ Западу отсюда отправляюсь,
Къ Танайскимъ берегамъ со войскомъ устремляюсь;
Октаръ! помедли здѣсь.

Явленіе 6.

ЧАНГИСЪ-ХАНЪ и ОКТАРЪ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Ты могъ ли вображать,
Что къ щастью такову я буду достигать?

У ногъ своихъ, чтобъ зрѣть сей Тронъ мнѣ преклоненнымъ,
Куда взирать не могъ, не бывъ студа лишеннымъ.
Се тотъ обширный градъ, се самый тотъ чертогъ,
Гдѣ я къ желанному достигнути не могъ.
Когда въ гоненіи убѣжищемъ нуждался,
Презрѣннымъ Скиѳомъ я у жителей щитался;
Скитающъ, бѣдствененъ, покрова ожидалъ:
Но тщетно гордыхъ сихъ гражданъ я умолялъ.
Здѣсь Идаме, рукѣ съ презрѣньемъ отказала,
Той, коя пять ужъ лѣтъ народы покоряла,
Которая во всѣхъ Вселенныя краяхъ,
Народу смертному наноситъ смерть и страхъ.

ОКТАРЪ.

Величіемъ такимъ и славою вѣнчанный,
Зря цѣлый Свѣтъ къ ногамъ въ смиреніи попранный,
Возможно ли еще, что бъ ты симъ занятъ былъ?

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Я страстно Идаме прекрасную любилъ.
Безчестія сего во вѣки не забуду,
Презрѣнье и отказъ всегда я помнить буду.
Сей блескъ, которымъ я отвсюда окруженъ,
Возможетъ ли, что бъ я спокойствомъ былъ снабдѣнъ!
Любовь его даетъ, а слава обѣщаетъ,
Любовь едина скорьбь сердечну облегчаетъ;
Хочу, что бъ Идаме свой взоръ сюда взвела,
Величеству бъ сему свидѣтелемъ была;
Познала бъ, чью любовь столь дерзко раздражила
И что бъ отчаянье на сердцѣ поселила,
Что въ нѣдрахъ темноты тогда судится быть,
Когда бъ могла со мной величество дѣлить.

ОКТАРЪ.

ОКТАРЪ.

Мнѣ слушать, Государь, сїе весьма противно!
Привыкъ мой слухъ внимать твое геройство дивно
И зрѣть, какъ грады ты въ пустыни претворялъ
И Троны Царскїе къ ногамъ своимъ склонялъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ здѣсь она меня плѣнила
И гордость всю мою прїятствомъ покорила,
На вѣкъ я воспретилъ ужъ сердцу моему
Вдаваться въ страсть сїю, противяся уму.
Весь умъ мой Идаме одна лишь занимала,
Душей владѣла той, что прежде любви не знала.
Востокъ мы обтекли, чиня ужасный бой;
Но не были ни чьей плѣненны красотой.
Любовнымъ Идаме здѣсь ядомъ напоила,
Невинностью своей мнѣ въ сердце страсть вселила.
Я бъ щастье потерялъ и въ рабствѣ вѣкъ свой былъ,
Когда бъ несклонную еще ее любилъ.
Уже теперь на вѣкъ изъ мыслей изтребляю,
Подъ властью женщины быть болѣе не чаю;
Полсвѣта я мечемъ народа покорилъ,
Къ единымъ подвигамъ вниманье устремилъ.
О ней ты позабудь отнынь освѣдомляться
И ей, чтобъ на глаза мнѣ болѣ не казаться.

ОКТАРЪ.

Тебѣ ли, Государь, такъ низко помышлять!

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Идемъ мятежниковъ и дерзкихъ укрощать.

Явленїе 7.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, ОКТАРЪ и ОСМАНЪ.

ОСМАНЪ.

Лишъ только, Государь, мы къ дѣлу приступили
И жертвенника вкругъ мы рать обстановили,
Какъ женщина туда внезапу ворвалась,
Вскричала, варвары! слезами залилась,
Отчаянна, блѣдна, одежду разрывала
И воплемъ Небеса плачевнымъ наполняла.
Такимъ насъ зрѣлищемъ всѣхъ въ ужасъ привела;
Постойте варвары! жестокїе! рекла,
Вы сына моего, не Царскаго казните;
Коль нужно кровь пролить, въ меня кинжалъ вонзите!
Власы вздымалися отъ ужаса ея
И била въ грудь себя, потоки слезъ лїя,
Гласъ томный испустивъ, рыданьемъ прерывала
И руки къ воинству дрожащи простирала:
Ни слова болѣе, промолвить не могла,
Во удивленье всѣхъ собою привела,
Рвалася, билася, стенала и рыдала,
Всѣ скорби матерни на сердцѣ помѣщала.
Я тотчасъ за мужемъ сей женщины послалъ,
Въ подобномъ видѣ онъ глазамъ моимъ предсталъ;
Но скорбь таилъ свою и въ горести крѣпился,
На сердцѣ все имѣлъ, лишъ видъ его мутился.
Вы ищете Царя послѣдняго, прорекъ,
Такъ должно, чтобъ ударъ мнѣ прежде жизнь пресѣкъ.
Пролейте! вотъ та кровь, которой вы алкали,
У горькой сей четы слезъ іоки проливали.

Упала

Упала въ обморокъ по семъ жена его
И живности въ лицѣ не зрѣлось ни чего,
Во положенiи ужасномъ пребывала
И долго на землѣ безчувственна лежала.
По томъ глаза свои померкшiе взвела,
Едва произнести слова лишъ возмогла,
Просила, что бъ птенца невинна возвратили
И жертву, что бъ надъ нимъ ошибкой не чинили.
Мнѣ кажется не льзя, что бъ то подлогъ могъ быть
И притворяючись, столь горьки слезы лить:
Что дѣлать, Государь, съ четою сей, не знаю?
Приказа твоего на то я ожидаю.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Я скоро хитрость всю и тайну обнажу,
Обманщиковъ за то достойно накажу:
Или они хотятъ, что бъ кровь опять лилася,
Которая бѣжать не давно унялася.

ОКТАРЪ.

Себя, что била въ грудь, и токи слезъ лила,
То не Природа въ ней, любовь произвела:
Привычку, коль она ко отроку имѣетъ,
То дивно ль, что какъ мать объ ономъ сожалѣетъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Она кто такова?

ОКТАРЪ.

Я слышалъ, что она
Вельможѣ одному женой быть суждена,
Который надъ Царемъ оставшимъ надзираетъ
И въ жертву принести препону поставляетъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Поди и вопроси ты осужденныхъ сихъ
И правду извлеки изъ устъ повинныхъ ихъ:

Что бъ воины вездѣ не дремленно смотрѣли,
И справно бы мѣста развалинъ вкругъ засѣли:
Кореане сюда, какъ слышалъ я, идутъ
И не далече ихъ отъ градскихъ стѣнъ сихъ чтутъ.
Пусть тягость моея руки они познаютъ
И битву противъ насъ пускай востановляютъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙ-

* * * *
* * * * *

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Явленïе I.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, ОСМАНЪ и ВОИНЫ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Узнали ль плѣнниковъ вы злое умышленье,
Куда ведутъ они столь наглое стремленье?
Сокрытаго Царя рѣшились ли отдать,
Престали ли сïи злодѣи бунтовать?

ОСМАНЪ.

Вельможа въ томъ стоитъ, и то же утверждаетъ
И правду кажется лице его являетъ:
Супруга же его со стономъ слезы льетъ,
Въ отчаяньи своемъ во грудь себя бïетъ,
Смятенïе ея красы ей прибавляетъ,
И новы прелести въ очахъ ея раждаетъ:
Всѣхъ къ жалости она неволей привела
И ни какого намъ отвѣта не дала:
Не можетъ ей ни что во прелестяхъ сравниться,
Желаетъ Государь къ ногамъ твоимъ явиться;
Ко побѣдителя стопамъ хочу я пасть,
Вѣщала, облегчитъ мою онъ злобну часть:
Коль гласъ нещастныя вниманьемъ удостоитъ,
Конечно тронется и насъ онъ успокоитъ,
Невинность защититъ младенца моего;
Сего надѣюсь я въ жестокостяхъ его.
Когда онъ всемогущь, то милосердъ, конечно
И не осудитъ онъ меня на муку вѣчно.
Вотъ что рекла: и я, нещастной обѣщалъ
Просить, что бъ доступъ ты къ ногамъ своимъ ей далъ.

ЧИН-

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Проникнуть тайну ту мнѣ должно не отмѣнно
И изтребить изъ нихъ все то, что сокровенно.

(*Къ Воинамъ*)

Велите ей сюда не медлѣнно предстать,
Но что бъ не думала притворство мнѣ казать.
Что бъ побѣдителя смягчить она не льстилась,
Безъ вздоховъ предъ меня, безъ слезъ, что бы явилась:
Притворны слезы ихъ давно ужъ мнѣ извѣстны,
Я знаю женщинъ здѣсь и ихъ притворъ безчестный;
Противу лести ихъ я сердце укрѣпилъ
И слухъ отъ жалобъ ихъ на вѣки отвратилъ;
Предстати предъ меня хоть честь имѣть и льститься,
Но въ семъ судьба ее на вѣки заключится.

ОСМАНЪ.

Вотъ плѣнница сїя предъ вами, Государь!

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

О Небо! что я зрю! о ты Всесильный Царь?
Не ошибаюсь ли, не сонъ ли мнѣ явился?
Возможно ль, что бъ онъ вьявъ теперь со мною збылся.
Се Идаме я зрю....

Явленїе 2.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, ИДАМЕ, ОКТАРЪ и ОСМАНЪ.

ИДАМЕ.

Великїй Государь!
Рази нещастную, мечемъ своимъ ударь!
Ты долженъ мстити мнѣ, сїе довольно знаю,
Пощады жъ отроку невинну вопрошаю.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Престани, Идаме, потоки слезны лить,
Отчаянье свое потщися изтребить!
Признаюсь, что печаль твоя меня тронула,
Судьба насъ обоихъ съ тобою обманула;
Власть Вышняго меня на Тронъ произвела
И побѣдителемъ узрѣть тебѣ дала.
Я прежде въ сихъ мѣстахъ лишъ былъ въ уничиженье
И отъ тебя терпѣлъ единое презрѣнье,
Трепещетъ Азїя теперь руки моей;
Не устрашайся ты, надежду возъимѣй,
Не сына твоего на жертву вопрошаю,
Цареву отроку прервати жизнь желаю.
Въ семъ нужда настоитъ, и должно то свершить,
Спокойно иначе не можетъ Царство быть.
Здравъ сынъ твой, не вредимъ, обратно возвратится,
Стараніемъ моимъ онъ будетъ здѣсь храниться.

ИДАМЕ.

На силу стала я во чувства приходить.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Единое, прошу тебя, мнѣ обьявить!
Кто волѣ здѣсь моей изъ васъ воспротивлялся
И хитрость въ дѣло то вводити покушался,
Супругъ твой, или ты?

ИДАМЕ.

Ты милость произнесъ,
Не множь же болѣе моихъ горчайшихъ слезъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Къ нещастнымъ жалость я конечно ощущаю,
Невинна отрока тебѣ днесь возвращаю.
Но мнѣ противиться! приказъ уничтожать!
Какая дерзость мнѣ противу можетъ стать!

По-

Постраждетъ честь моя и слава помрачится,
Когда ослушникомъ твой мужъ ко мнѣ явится.
Твой мужъ! . . . и словомъ симъ его уже винишъ.
Сей смертный, кто таковъ? кого ты нынѣ чтишъ?
Да явится сюда.

ИДАМЕ.

Нещастьемъ удрученный,
Съ нимъ узы брачныя мнѣ святы и почтенны.
Онъ участь горькую со мною раздѣлялъ
И вѣрностью всегда къ Владѣтелю пылалъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Сколь бракомъ ты давно съ Вельможей сопряглася?

ИДАМЕ.

Съ тѣхъ поръ, какъ смертныхъ кровь въ Востокѣ полилася,
Какъ зачала Судьба тебѣ благотворить,
Что бъ смертныхъ родъ мечемъ на вѣки истребить.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ

Съ тѣхъ поръ, теперь тебя довольно понимаю,
Съ которыхъ мщеніемъ на край сей я пылаю,
Какъ я съ презрѣніемъ отсюда изгнанъ былъ.

Явленіе 3.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, ОКТАРЪ, ОСМАНЪ.

Съ одной стороны ИДАМЕ, *съ другой*

ЗАМТИ и ВОИНЫ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Вѣщай! уже ль ты днесь послушность мнѣ явилъ?
Вознесъ ли жертву ту, котору вопрошаю?

ЗАМТИ.

ЗАМТИ.

Вершити казнь надЪ нимЪ, препонЪ не поставляю:
Я сдѣлалЪ, Государь, что долгЪ мнѣ повелѣлЪ.

ЧИНГИСЬ-ХАНЪ.

Ты знаешЪ, сколько я отмщеньемЪ всплямененЪ,
Извѣстно то тебѣ; противныхЪ какЪ караю
И какЪ до цѣли я желанной достигаю;
Хотя ты тщательно Царя отЪ насЪ хранишЪ;
Но тщетно то и ты себя мечтою льстишЪ.
Старанья суетны, онЪ вЪ скорости найдется;
И жизнь твоя потомЪ лютѣйше пресѣчется.

(*КЪ ВоинамЪ.*)

МладенецЪ, коего подЪ стражу онЪ отдалЪ,
Что бЪ сей же часЪ изчезЪ, животЪ свой окончалЪ.

ЗАМТИ.

Нещастливый отецЪ!

ИДАМЕ.

Постой безчеловѣчной!
Ты кЪ мукѣ осудилЪ меня нещастну вѣчной.
И тако ль участь ты сЪ нещастными дѣлишЪ?
И такЪ ли свой обѣтЪ ты праведно хранишЪ?

ЧИНГИСЬ-ХАНЪ.

ВладѣтелевЪ ли такЪ приказЪ рабы внимаютЪ
И волю Царскую исполнити желаютЪ:
Не медли и о семЪ младенцѣ мнѣ скажи,
Иль горьку смерть ему неправдой покажи.

ИДАМЕ.

ОнЪ сынЪ мой, то тебѣ стократно повторяю!
А ежели и симЪ тебя я прогнѣвляю,
Ты алчешЪ кровь пролить, вотЪ грудь моя, рази!
ВотЪ сердце скорбное! насыться и пронзи!

И то не ложно же, что Царь намъ повелѣлъ,
Который гибельный конецъ тобой имѣлъ,
Что бъ отрока сего оставшаго спасали
И что бъ за Царскаго мы сына признавали.
Довольно ты и такъ здѣсь звѣрства учинилъ,
Царя съ супругою, и пять сыновъ, убилъ.
Мечемъ со всѣхъ сторонъ Китай опустошаешъ
И кровью жителей поля всѣ орошаешъ.
Посланникъ, варваръ твой, меня здѣсь вопрошалъ
И Замти къ выдачѣ младенца принуждалъ,
Въ которомъ мы свою надежду полагали:
Любовью, вѣрностью, сердца къ нему пылали.
Супругъ мой убоясь присягѣ измѣнить,
Рѣшился сыномъ онъ вамъ жертву замѣнить;
А что бы, Государь, то не извѣстно было,
Все сердце скорьбь его стеняюще таило.
Мнѣ должно бы ему воономъ подражать;
Но не могла снести, нещастному бывъ мать
И та несносна грусть, котору я казала,
Уже не ложно мать во мнѣ изображала.
Возри на скорьбь отца! его нѣтъ болѣ силъ,
Онъ долженъ быть почтенъ, хотя я измѣнилъ.
Одинъ невинностью пощады ожидаетъ,
Другой хотя тебя дѣлами раздражаетъ.
Но добродѣтелью къ пощадѣ же идетъ;
Мысль честну, бодрый духъ, ничто въ немъ не мятетъ.
Моя душа одна не можетъ быть спокойна,
Рази! одна я всей жестокости достойна.
Измѣну сдѣлала тому, кого люблю:
Измѣной же своей кровь Царскую гублю;
Подъ игомъ бѣдствія стенящая страдаю,
Прерви ты жизнь мою, охотно умираю.

Достой-

Достойнѣйшїй предмѣтъ всей нѣжности моей!
Существенность моя, виной измѣнѣ сей!
На все жестокости отчаянна дерзаю,
Прости, хотя мнѣ то, что сына я спасаю!

ЗАМТИ.

Я все тебѣ простилъ, уже онъ сохраненъ;
Въ вѣрнѣйшемъ мѣстѣ Царь отъ поиска спасенъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Не мысль измѣнникъ такъ и симъ не занимайся,
Иди! иль самъ на смерть лютѣйшу осуждайся;
Иди! иль истреби неистоство свое,
Иль обрати къ себѣ все мщенїе мое!

ЗАМТИ.

Исполнить твой приказъ то было бы безбожно.
Повиновенїе въ семъ дѣлѣ не возможно:
Не Царь ты намъ, хотя насъ силой побѣдилъ,
Когда бъ я былъ твой рабъ, тебѣ бъ и вѣренъ былъ.
Монарховъ гласъ еще я слышу и внимаю
И ихъ велѣнїе всему предпочитаю.
Скончай ты дни мои, но вѣрность почитай,
Къ своимъ Царямъ во мнѣ усердїе познай.
Когда я сына ужъ на жертву дать рѣшился,
Не думай, что бы самъ я смерти устрашился.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Подъ стражу.

ИДАМЕ.

Ахъ!

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Османъ! возми его, отдай
И казнь исполнити велѣнья ожидай.

ИДАМЕ.

Теперь осталася я смерти ждать едина;
Супруга и Царя лишаюсь, ахъ и сына!
Коль сердца своего тебѣ не льзя смягчить,
Коль удовольствіемъ ты ставишъ крови лить.
Всѣхъ вкупѣ водвори во мрачную темницу,
Сокрой жестокій всѣхъ въ единую гробницу!

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Коль милъ онъ столь тебѣ, ступай во слѣдъ за нимъ!
Достойно смерть вкусить вамъ должно обоимъ.
Тебѣ ль меня, тебѣ ль пристойно упрекати
И къ жалости своимъ вздыханіемъ склоняти?

ИДАМЕ.

Предвидѣла я то! надежды болѣ нѣтъ!

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Ступай! не медлѣнно ступай ему во слѣдъ.
Когда къ нещастію тобою гнѣвъ смягчится,
Отъ малодушія коликій стыдъ явится;
Довольно чести я тобою вредъ нанесъ!
Судьбѣ благодарю, что жаръ мой днесь изчезъ.

Явленіе 4.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ и ОКТАРЪ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Но что тревожитъ мя! почто я содрагаюсь!
И нерѣшимостью мятуся, колебаюсь!
Какой въ ней Богъ, къ ея защитѣ говорилъ
И Божествомъ ей зракъ смущенный озарилъ!

Красы

Красы и прелестей, соединенны части,
Имѣютъ власть еще моей превыше власти.
Октаръ! помедли; ахъ! я самъ себя страшусь,
Я чуждымъ самъ себѣ въ смятеніи кажусь:
Мнѣ другъ потребенъ днесь, но друга не имѣю,
Кто мнѣ подастъ совѣтъ!

ОКТАРЪ.

Когда донесть я смѣю,
Намъ непріятелей потребно истребить,
Ко исполненію не должно время длить:
Когда отъ корене плодъ вредный отсѣчеться,
Тогда стремленіе растенья пресѣчется
И зелья вѣтвь его послѣдня отпадетъ.
Опасность симъ твоя и общая минетъ;
Иначе же Престолъ не можетъ утвердиться
И долженъ въ скорости ударъ сей совершиться.
Спокойствія, потомъ порядка должно ждать,
На коемъ ты бъ возмогъ правленье утверждать.
Плѣненный сей народъ къ покорности привыкнетъ
И побѣдителя на Тронѣ зрѣть обыкнетъ;
Нещастья прежни ихъ все время помрачитъ,
Сокроетъ нынѣшній плачевнѣйшій ихъ видъ.
Но есть ли медлѣнно точить ихъ кровь ты будешъ,
То злодѣянія во вѣки не избудешъ.
Намъ должно тлѣніе пожара потушить,
Дабы не возмогли обьяты онымъ быть:
Кровопролитіе вновь можетъ учиниться
И слава нашихъ дѣлъ на вѣки помрачиться,
Въ опасный слабый сей народъ мы претворимъ,
Самихъ себя къ нимъ въ плѣнъ на вѣки водворимъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Плѣненна Идаме, на вѣкъ предъ Олтарями
Соединилася ужъ брачными цѣпями,
Съ тѣмъ, кто величіе мое могъ пренебречь.

ОКТАРЪ.

Имъ должно, Государь! не медля жизнь пресѣчь.
Хоть прежде вы сего любовь къ ней ощущали:
Но днесь невѣрность всю сей женщины познали.
Отказъ ея къ ней гнѣвъ уже въ васъ возбудилъ,
Пространствомъ времени ты жаръ къ ней истребилъ.
Должна сія чета тобою быть презрѣнна,
Къ лютѣйшей казни днесь на вѣки осужденна.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Намѣреніе ужъ я въ сердцѣ утвердилъ,
Возможноль, чтобъ ея супруга я простилъ,
Чтобъ жизнь я даровалъ тому, кѣмъ столь гнушаюсь,
Рабу соперникомъ я быти нарицаюсь!

ОКТАРЪ.

Но что же, Государь! онъ жизни не лишенъ?
Могущественъ ты здѣсь, но ты не отомщенъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

О небо! до чего я нынѣ премѣнился!
Изъ побѣдителя я плѣннымъ учинился,
Спокойствія души въ могуществѣ лишенъ
И плѣнницы своей слезами побѣжденъ;
Встревоженъ, Идаме, мой духъ уже плѣнила,
Оружіе отнявъ, цѣпь власти наложила;
Щасливаго раба я нынь соперникъ сталъ,
Терплю, что бъ дни свои въ любви онъ провождалъ.
Я столько Идаме люблю и почитаю,
Что мечь вонзить въ ея супруга не дерзаю.

Еще

Еще ли страсть во мнѣ! еще ль вздыхаю я!
Вотъ нѣжная любовь плодъ власти твоея!

ОКТАРЪ.

Я страсть единую во сердцѣ заключаю,
Что съ святостью твои законы исполняю;
Побѣдоносныя оружїя одни,
Предметомъ были мнѣ во всѣ текущи дни.
Къ военнымъ подвигамъ, къ побѣдамъ страсть имѣю,
А болѣ ни къ чему пристрастїемъ не тлѣю.
Пристойно ль, Государь, о ней тебѣ вздыхать?
Ты властїю къ себѣ всѣхъ можешъ преклонять.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Что власть имѣю я, о семъ довольно знаю,
Постыднымъ щастїемъ сїе я почитаю:
Упорную къ себѣ жестокостью склонять;
Противъ желанїя къ любови понуждать;
Принудить слезы лить, печалиться, вздыхая
И къ ней самой горѣть, любовїю пылая,
Невольницей своей противу воли зрѣть,
Котора страхъ единъ ко мнѣ должна имѣть.
Свирѣпы тигры, львы, въ лѣсахъ, что обитаютъ,
Такой жестокости въ любьви не ощущаютъ.
Признаюсь, Идаме, толико я люблю,
Что власть, законъ и честь величїя гублю;
Она власть болѣе имѣетъ надо мною,
Той, кою я обрѣлъ среди кровава бою:
Хочу ея на вѣкъ изъ мыслей истребить,
Хочу, но не могу ее, что бъ не любить.

Явленіе 5.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, ОКТАРЪ, и ОСМАНЪ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Скажи! что Идаме, Османъ, днесь предпріяла.

ОСМАНЪ.

Умреть, съ супругомъ пасть мечемъ, она желала,
Но не хотѣла намъ ту тайну обьявить,
Гдѣ отрока они потщилися сокрыть.
Въ рукахъ супруга бывъ отъ ужаса дрожала
И вкупѣ смерть пріять чета сія желала;
Во словѣ твердъ своемъ супругъ ея стоялъ
И очи на себя народны обращалъ.
Всѣхъ зрителей они на жалость побудили,
Скоряе прекратить дни горестны просили.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Ждетъ смерти Идаме своей и отъ меня,
Поди и обнадежъ ты въ милости ея!
Скажи! что дни ея толико мнѣ священны,
Пребудутъ въ здравіи на вѣки сохраненны.
Ступай!

Явленіе 6.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ и ОКТАРЪ.

ОКТАРЪ.

О сиротѣ, какой же вашъ приказъ,
Который кроется еще отъ нашихъ глазъ?

ЧИНГИСЪ-

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

О семъ я не даю приказа никакова.

ОКТАРЪ.

Иль хочешь, Государь, бунтъ сдѣлать здѣсь ты снова.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Помедли!

ОКТАРЪ.

Можетъ быть . . . .

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Все явно будетъ намъ.

ОКТАРЪ.

Какъ мню я, Идаме обманъ являетъ вамъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Къ обману Идаме ни мало не причастна.

ОКТАРЪ.

Она въ сокрытіи намъ зрится быть участна.
Ужель и родъ Царей не хочешь ты пресѣчь?

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Хочу лишъ Идаме отъ смерти я сберечь.
А въ прочемъ ты ступай, не медливши ни мало,
Изслѣдуй тайны сей сокрытое начало.
Супруга подъ законъ мой тщися преклонить,
Къ послушности его старайся покорить.
Мнѣ жертва та мала, которую являетъ,
Инаго требую, онъ вскорѣ то узнаетъ.

ОКТАРЪ.

Что?

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Идаме, хочу въ любовь къ себѣ склонить:
Не благодарную рѣшился вѣкъ любить.

Когда жъ окажетъ разъ еще мнѣ непокорство,
То силой преломить ея къ тому упорство.
Ты зришъ, что слабостью я новой поражен,
Къ противному совсемъ желанью устремленъ,
Обьемлемъ страстію, разсудокъ ужъ теряю,
Не знаю самъ того, чего я нынь желаю.

Конецъ третьяго дѣйствія.

* * * *
* * * * *

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Явленїе I.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, и ВОИНСТВО ТАТАРСКОЕ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Плоды трудовъ моихъ на вѣкъ отъ глазъ сокрылись,
Покой и тишина отселѣ удалились ;
По что же Идаме въ мѣста сїи не йдетъ ,
Терпѣнья зрѣть ея во мнѣ не достаетъ ,
Едину тягость я во славѣ ощущаю
И больше самъ себя въ дѣлахъ не узнаваю.

(*Къ Воинству*)

Стремитесь зыблемы вы стѣны подкрѣпить
И дерзскихъ Кореанъ въ смятеньи извѣстить !
Когда Царемъ они младенца нарекали ,
За дерзость такову мой гнѣвъ дабы познали.
Я съ воинствомъ противъ мятежниковъ пойду
И съ головой сего нещастнаго во мзду ,
Въ послѣднїй Замти, что бъ покорнымъ мнѣ явился
И такъ уже ударъ надъ ними долго длился
Ступайте ревностно приказъ мой исполнять !

(*Остается одинъ.*)

Не знаю , что мнѣ въ сихъ заботахъ днесь начать,
Удерживать народъ, къ побѣдѣ ль устремляться ?
Предосторожностью ль отъ буйствъ остерегаться ?
Толики суеты мнѣ сердце помѣстило :
Ахъ ! Скиѳомъ быть простымъ мнѣ лучше бъ быти
было !

Явленїе

Явленїе 2.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ и ОКТАРЪ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Октаръ сюда идетъ, какую вѣсть онъ скажетъ!

ОКТАРЪ.

Великїй Государь! покорства онъ не кажетъ:
На всѣ жестокости съ отважностью идетъ,
Со равнодушїемъ и жизнь окончить ждетъ.
Возможнымъ всѣмъ его, тобой самимъ, краснѣя,
Увѣщевалъ; но онъ вниманья не имѣя,
Все только говоритъ о должности своей,
О почитанїи наслѣдственныхъ Царей.
Онъ зрится, съ высоты, какъ будто бы правленья
Толкуетъ намъ своихъ законовъ исполненья.
Отринь о Государь! отъ недостойныхъ зракъ,
Ихъ непокорности довольный зрится знакъ.
Тогда чета сїя ослушной быть дерзаетъ,
Когда тебя Царемъ всякъ смертный признаваетъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Видалъ ли кто сему подобный хоть примѣръ!
Онъ твердостью души возходитъ выше мѣръ,
На жертву сына самъ безъ ужаса приноситъ,
Безъ робости себя предати смерти проситъ
И вѣрность ко Царю съ теченьемъ дней блюдетъ,
Къ Царю, котораго и въ живѣ болѣ нѣтъ;
Идаме въ вѣрности по гробъ свой пребываетъ,
Съ супругомъ вмѣстѣ жизнь окончити желаетъ;
Ни что ихъ обоихъ не можетъ колебать,
Безъ робости они готовы дни скончать.

Чѣмъ больше я свое вниманье прилагаю,
Тѣмъ болѣ сей народъ нещастный почитаю.
Неволею дѣламъ сихъ плѣнниковъ дивлюсь,
Оковы наложивъ, я самъ у нихъ учусь;
Цари премудро ихъ законы основали,
Безъ браней Скипетромъ народы покоряли;
Правленье нравственно ихъ Тронъ всегда имѣлъ,
Вселенну обучалъ премудростїю дѣлъ.
Насъ Небо силою единой наградило
И въ браняхъ ратовать искусно научило
Разить и пустошить, то нашихъ плодъ трудовъ,
Въ ничто преобращать и дѣлать смертнымъ ковъ.
Къ чему то служитъ намъ? Вселенна вся слезится
И по степямъ вездѣ ручьями кровь катится:
Слѣды своихъ побѣдъ лишъ кровїю багримъ,
Со оруженїемъ толикихъ лѣтъ дымимъ.
Другая слава есть, теперь я познаваю;
Благодѣянїе всему предпочитаю:
Хотѣлъ бы плѣннымъ я въ дѣлахъ подобенъ быть
И пышной славы звукъ на кротость премѣнить.

ОКТАРЪ.

Возможно ль Государь! дѣламъ ихъ удивляться,
Во просвѣщенїи къ чему они трудятся?
Когда къ защитѣ ихъ оно не можетъ быть;
А слабый въ свѣтъ рожденъ, что бъ сильному служить.
Отважности его покорно все на свѣтѣ,
Одни вы на себѣ обиду здѣсь несете.
Ты въ гнѣвѣ Государь! ударъ руки сдержалъ
И мысль въ волненїе толикое предалъ.
Еще плоды побѣдъ въ развалинахъ здѣсь зрятся,
Ужель сїи дѣла любовью помрачатся?

Со-

Сотрудники твоихъ Геройскихъ прежнихъ дѣлъ,
На степень, коихъ ты величія возвелъ,
Всѣ слабости твоей о Государь! дивятся,
Краснѣютъ лица ихъ, досадуютъ, стыдятся.
Моимъ языкомъ днесь всѣ жалобу творятъ,
Сердцами за тебя къ отмщенію горятъ.
Прости! что дерзко такъ сіе тебѣ вѣщаю,
Отъ сердца искренна усердіемъ пылаю,
Подъ знаменемъ твоимъ уже я побѣлѣлъ,
Не могъ терпѣть въ свой вѣкъ любови страстныхъ дѣлъ,
Хочу, что бъ къ славѣ ты обратно возвратился
И въ прежнемъ видѣ намъ Героя появился.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Представь мнѣ Идаме!

ОКТАРЪ.

Что хощешъ, ахъ! . . ?

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Ступай!
И слабость своего Монарха почитай.

Явленіе 3.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ *одинъ*.

Противиться судьбѣ я больше не дерзаю,
Опредѣленіе Небесно принимаю.
Что жъ важнаго въ дѣлахъ своихъ я оказалъ?
Нещастія чинилъ и самъ нещастливъ сталъ.
Сыщу ль хоть одного изъ самыхъ приближенныхъ,
Изъ воиновъ моихъ ко бранямъ устремленныхъ,

Кто бъ мысли моея стремленіе сдержалъ
И сердца скорбнаго печали разогналъ.
Хоть множество державъ земныхъ мы раззорили ;
Но горестну судьбу мою не облегчили.
Сей мракъ, что окрестъ мя кто можетъ разогнать
И на Престолѣ семъ благій совѣтъ подать ?
Октаръ мя раздражилъ неистовымъ совѣтомъ,
Тираномъ зрится онъ предъ Богомъ и предъ свѣтомъ,
Народомъ варварскимъ вездѣ я окруженъ,
Который крови лить на свѣтъ произведенъ,
Сь млекомъ, злочиніемъ ихъ въ юности питаютъ,
Чудовища сіи убійствъ однихъ алкаютъ.
Какъ скоро сердце я любовью упоилъ,
Ужаснымъ звѣрство ихъ въ умѣ изобразилъ ;
Пускай съ мечемъ они дни яростны скончаютъ,
Пусть ратуютъ за мя и въ браняхъ умираютъ,
Не нуженъ мнѣ въ дѣлахъ ихъ пагубный совѣтъ,
Нѣтъ Идаме . . . се зрю всѣхъ чувствъ моихъ предметъ !

Явленіе 4.

ЧИНГИСЬ-ХАНЬ и ИДАМЕ.

ИДАМЕ.

Доколь моей тоской ты можеть утѣшаться,
Доколѣ, Государь, мнѣ въ плачѣ сокрушаться!

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Престань стенать, престань ты токи слезны лить!
Коль мужъ твой покоренъ, могу его простить.
Ужъ болѣ мщеніемъ къ тебѣ я не пылаю
И гнѣвъ съ часа сего на милость премѣняю,

Конечно

Конечно было то угодно Небесамъ,
Что бъ я подъ власть твою отдался нынѣ самъ;
Натура образъ твой на то столь украсила,
Что бъ побѣдителю ты цепи наложила.
Смягчила бы мои жестокости и нравъ
И вѣкъ владѣла бъ мной, любовно чувство давъ;
Се зришъ могущаго меня на гордомъ Тронѣ,
Имѣю Скиптръ въ рукахъ во Царской днесь Коронѣ;
Въ моемъ владѣніи полсвѣта состоитъ;
Владѣтель таковый тебя боготворитъ;
Рука моя для всѣхъ законъ начертаваетъ;
Разводы брачные она благословляетъ;
Хотя противенъ я, но не противенъ Тронъ;
Чего не достаетъ во мнѣ, наградой онъ;
Печально бѣдствіе твое на вѣкъ минется,
Плачевный зракъ моей Порфирою отрется;
Самъ Богъ союзъ пріять со мной тебѣ велитъ.
И польза соградданъ твоихъ въ томъ состоитъ.
Конечно рѣчь сія тебя днесь удивляетъ,
Что побѣдитель бракъ съ тобой пріять желаетъ.
Я для того имѣлъ сію щастливу часть,
Что бъ санъ унизивъ свой, къ твоимъ колѣнамъ пасть;
Но ты смущаешся и взоры потупляешъ;
На муку вѣчную меня симъ осуждаешъ:
За что меня, за что стремишся ты карать;
Какой отвѣтъ на то готовлюсь я внимать!

ИДАМЕ.

Премѣны таковы сносити осужденна;
Не мало признаюсь, я онымъ удивленна;
Пойду и соберу унылый разумъ мой;
Потомъ вамъ, Государь, скажу отвѣтъ я свой;

Когдѣ

Когда ко славѣ сей еще вы не касались
И именемъ простымъ Тахмаса назывались;
Тогда руки моей ко браку ты желалъ;
Но въ томъ родитель мой тебѣ, какъ отказалъ;
Желанїе мое съ тобой согласно было;
Но Небо бракомъ насъ тогда не съединило.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Что слышу я? уже ль тобою я терпимъ?

ИДАМЕ.

Не лестно былъ тогда ты мною столь любимъ;
Что брачну цепь свершить съ тобою я желала;
Но власть родителей желанью возпрещала.
Мы Бога Самаго во образѣ ихъ зримъ,
Всѣ ихъ велѣнїя со святостью хранимъ;
Правленье здѣшнее тобою раззоренно,
На правѣ было ихъ единомъ учрежденно.
Родителей есть долгъ дѣтей своихъ любить:
Дѣтей же, въ волѣ ихъ безпрекословно быть.
Бракъ, вѣра, правда, честь, законъ нашъ составляютъ,
Храненїе здѣсь клятвъ издревле почитаютъ.
Они у насъ союзъ Правленїя крѣпятъ,
Народы святостью сїи законы чтятъ.
Хотя здѣсь въ прахъ и все тобою претворится;
Закона жъ мудрость дѣлъ во вѣки не затмится.
Премѣна сдѣлалась во участи твоей;
Но никогда сего не можетъ быть въ моей.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Такъ прежде ты сего моею быть желала?

ИДАМЕ.

Я брачный узелъ днесь съ другимъ уже связала,
Клялась предъ Олтаремъ единаго любить
И вкупѣ горести и радости дѣлить.

Я бракъ священный сей толико почитаю,
Что все величіе и власть пренебрегаю;
Все явно можетъ вамъ сіе то днесь казать,
Что должно отъ меня отказа ожидать;
Признанью моему столь истинну простите,
Сіе обычаю страны сей припишите.
Не мни, что бъ сею я польстилась суетой
И что бъ превознеслась ко гордости мечтой:
Правдиво я тебѣ отказъ свой учиняла
И то вѣщала днесь, что должность мнѣ внушала.
Еще на милость разъ хочу тебя склонить,
Желаю, что бъ сіе отъ слуха мужня скрыть,
Онъ честію такой ни мало не польстится
И вѣрность знавъ мою, предлогомъ оскорбится.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Ему я извѣстилъ, согласенъ долженъ быть,
Когда нить дней своихъ не хочетъ прекратить.

ИДАМЕ.

Не мню, что бъ на сіе супругъ мой согласился
И что бъ противникомъ закону обнажился:
Хотія сердечна скорьбь мысль честну и смятетъ
И къ крайности такой по долгу онъ дойдетъ;
Подпорой буду я въ сей слабости служити
И возпрещу ему въ смятеньи то чинити.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Что за вѣщаніе! мой поражаетъ слухъ:
Упорствуешъ ты мнѣ, и зная, что супругъ?
Толико дерзостно съ тобою поступаетъ,
На смерть безъ ужаса онъ сына отсылаетъ:
Подобнаго ему я тигра не видалъ.
Возможно ли, что бъ онъ любовь къ кому питалъ!

ИДАМЕ.

ИДАМЕ.

Геройска мысль сїе чинити принуждала,
Онъ дѣлалъ, какъ Герой, а я, какъ мать рыдала.
Хотя бъ противенъ былъ своихъ мнѣ звѣрствомъ дѣлъ,
Меня бы и тогда въ измѣнѣ не обрѣлъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Мой удивляя умъ, ты сердце раздражаешъ
И больше твердостью прельщаться понуждаешъ.
Боготворю тебя, любовїю горю
И къ вящей горести тебя несклонной зрю;
Но знай хоть пламенемъ любовнымъ и пылаю,
Жестокость далѣе, чѣмъ слабость простираю.

ИДАМЕ.

Отъ гнѣва твоего восточный край горитъ
И цѣлый смертныхъ родъ отъ ужаса дрожитъ:
Хотя въ ничто сей край тобою обратится,
Законъ же никогда отсель не истребится.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Законъ! какїй законъ! его ужъ болѣ нѣтъ:
Однимъ правамъ моимъ покоренъ весь сей свѣтъ.
Здѣсь смертныхъ родъ мои законы управляютъ,
Законодателемъ меня здѣсь почитаютъ;
Се Скиѳъ законъ потрясъ и свой возстановилъ,
Давно уже онъ мнѣ, давно противенъ былъ;
Когда еще судьбу мы равную имѣли,
Любовнымъ пламенемъ взаимно оба тлѣли;
Когда ужъ брачну цепь стремился я скрѣпить,
Законъ сей могъ тогда желанью возпретить;
Я ненависть къ нему съ минуты той питаю
И навсегда его отнынь уничтожаю.
Прещенїемъ своимъ онъ стыдъ мнѣ учинилъ
И твой противный бракъ на вѣки утвердилъ.

Отринуты всѣхъ сихъ законовъ исполненья,
А царствуютъ мои единыя велѣнья.
Послѣдуй свѣту ты, онъ мною покоренъ,
Желанья всѣ мои творить онъ принужденъ!
Что чувствіямъ моимъ противно, не согласно,
То все мнѣ кажется безбожно и ужасно.
Супругу твоему уже я извѣстилъ,
Что бъ онъ въ обьятія тебя мои вручилъ;
Когда и въ семъ еще покорства не окажетъ,
Достойно мечь съ Царемъ ихъ лютостью накажетъ.
Возчувствуй Идаме, сколь мщеніемъ горю;
И что противницей дерзаешъ быть Царю,
Царю, который тя толико почитаетъ
И кой краснѣючи, любовь къ тебѣ питаетъ!
Коликою цѣной должна ты заплатить,
Что смѣла ты съ меня оружіе сложить!

Явленіе 5.

ИДАМЕ и АССЕЛІЯ.

ИДАМЕ.

Изъ двухъ золъ избирать, не знаю я какое,
Безбожіе ль чинить, иль имъ мученье злое?
Чистѣйшу кровь Царя невиннаго пролить
И жизнь дражайшаго супруга прекратить;
Когда судьбу я ихъ въ себѣ днесь заключаю,
То смерть сноснѣйшимъ зломъ для всѣхъ насъ избираю.

АССЕЛІЯ.

Ты отказалася величіе принять
И Тронъ собою здѣсь Вселенной украшать.

Все-

Всевышня власть сїе къ ногамъ твоимъ подноситъ,
Сей гордый Скиѳъ твои оковы нынѣ носитъ,
Хоть много побѣждалъ, но самъ сталъ побѣжденъ,
Тобою вольности въ величествѣ лишенъ;
Имѣвъ даръ нравиться, чего ты не возможешъ!
Ты словомъ гнѣвъ его обезоружить можешъ.

ИДАМЕ.

Я нравиться ему нещастьемъ ставлю быть.

АССЕЛІЯ.

Ты плѣнниковъ судьбу симъ можешъ облегчить,
Погибель отвратить Самъ Богъ тебѣ поможетъ,
Подъ властїю твоей сей Тигръ смягчиться можетъ.
Уже премѣну ты и такъ произвела,
Что варварству его стремиться не дала;
Давно свирѣпство въ немъ къ отмщенїю пылаетъ
И жизнь пресѣчь давно сопернику желаетъ.
Любовь имѣвъ къ тебѣ, ударъ сей удержалъ,
Давно бы Замти онъ смертельну рану далъ;
Когда мечемъ его весь свѣтъ опустошался,
То и тогда тебѣ противнымъ быть боялся.
Воспомни прежде сего тобою страстенъ былъ,
Противности такой тогда не находилъ,
Любовь и ты ему взаимную являла.

ИДАМЕ.

Я бъ сдѣлала тѣмъ грѣхъ, когда бы помышляла.

Явленіе 6.

ЗАМТИ, ИДАМЕ, и АССЕЛІЯ.

ИДАМЕ.

Въ нещастіяхъ такихъ, въ отчаяньи моемъ,
Еще ли нахожусь въ обьятіи твоемъ?
Еще ли я твоей Супругой нарицаюсь,
Еще ли именемъ святымъ симъ утѣшаюсь?

ЗАМТИ.

Ужасный свой приказъ тиранъ мнѣ объявилъ
Что бъ я остатокъ дней на жертву приносилъ.

ИДАМЕ.

Тебя и сироту онъ жизни не лишаетъ,
Но вѣдомъ ли, чего за то онъ ожидаетъ?

ЗАМТИ.

Пускай онъ пресѣчетъ дни вѣка моего!
Въ паденьи общемъ я не значу ничего:
Согражданина смерть забвенію предастся,
Однимъ меня льститъ жизнь, что бъ только лишъ стараться.
Честь, вѣрность, члена долгъ присягу сохранить,
Царя что бъ защищавъ, послѣдню кровь пролить;
Но честью жертвовать, закону противляться,
За должность ни кому не можетъ поставляться.
Я сираго Царя съ теченьемъ дней берегъ,
Крушуся, что и онъ отъ смерти не далекъ;
Хоть мрачное ему убѣжище доставилъ,
Гдѣ Предковъ тѣнь его народъ доселѣ славилъ;
Но ненадежно то и смерть его пожретъ,
Отца нещастнаго слѣдами сынъ идетъ.

Кореане

Кореане его въ свой лагерь ожидаютъ;
Но тщетно въ томъ себя надеждою ласкаютъ,
Этанъ къ спасенїю старанье прилагалъ,
Но такъ же какъ и я въ неволѣ нынѣ сталъ.
Одна надеждою ему ты остаешся,
Спасай, когда сама отъ смерти ты спасешся
И посвяти свой вѣкъ ему, что бъ вѣрной быть,
Усердствуй дни его невинны сохранить,
Съ теченьемъ коихъ честь моя соединенна
И слава въ вѣкъ твоя пребудетъ не забвенна.

ИДАМЕ.

Но какъ могу къ сему я дѣлу приступить?

ЗАМТИ.

Во первыхъ надлежитъ меня совсемъ забыть
И посвятить себя для блага лишъ народа,
У коего совсемъ похищена свобода;
Другую участь смерть моя тебѣ даетъ,
Она съ тобою бракъ союзный разорветъ:
Излишно въ вѣрности по смерти къ мужу быти
И къ пеплу тлѣнному еще любовь хранити,
Къ Царю должны такой любовью мы горѣть,
Отечество любя быть въ вѣрности по смерть,
Которо юныхъ насъ хранило, воспитало,
Оно защиты въ насъ, подпоры ожидало,
Которо я во дни мои текущи чтилъ
И сына для него на жертвенникъ взносилъ.
Днесь болѣе еще на жертву предлагаю,
Толико я къ нему любовїю пылаю;
Свободною тебя конецъ мой учинитъ,
Послѣднюю мою услугу онъ явитъ.

Желанью Скива ты отнюдь не противляйся
Подъ власть свою склонить умъ варварскій старайся:
Противность всю свою на сердцѣ понеси,
На гробѣ молнію супружнемъ погаси.
Я смерть ужасною единымъ представляю,
Что въ руки хищныя тебя ему вручаю:
Послѣдній долгъ сіе исполнить мнѣ велитъ,
Коль польза общая въ единомъ настоитъ,
Что бъ матерью сему ты отроку служила
И здравіе бъ его отъ смерти сохранила,
Иди на Тронъ Царю наслѣдственну служить,
Иди! а я умру, что бъ дни его продлить!

ИДАМЕ.

Что бъ я безчестный столь поступокъ учинила
И кровію твоей дни Царскіе купила:
На царскій что бы Тронъ постыдно я взошла
И тѣмъ бы Царску кровь въ семъ отрокѣ спасла;
Я звѣрскихъ чувствъ такихъ суровыхъ не имѣю,
Воображая то, смущаюся и млѣю.
Жестокій можешъ ли сіе мнѣ предлагать!
И вѣрную свою супругу оскорблять!
Въ сей день уже другой проступокъ учиняешъ,
Натуру и любовь ты онымъ ужасаешъ.
Безчеловѣчный! ты конечно позабылъ,
Колико моему всегда ты сердцу милъ;
Другой стезею путь я къ смерти избираю
И въ честности пребывъ съ тобою дни скончаю.
Когда любовію тиранъ ко мнѣ горитъ,
Такъ вольностью меня онъ можетъ и почтитъ.
Которой пользуясь отъ мѣстъ сихъ удалюся,
Кореаномъ вручить я отрока потщуся:

Иду судьбу его злощастну облегчить,
Иду отъ варваровъ невинность защитить;
Какъ скоро Чингисъ Ханъ, о скрытіи познаетъ,
То смерти насъ предать не медля возжелаетъ,
Которую уже готовы мы принять,
Услугу оказавъ мы будемъ умирать.
Умремъ, но славою кончину дней свѣнчаемъ,
Для пользы общества животъ свой окончаемъ,
Безсмертными себя на вѣки учинимъ,
Въ число Геройскихъ дѣлъ свои дѣла включимъ.

ЗАМТИ.

Намѣренье твое мой разумъ превышаетъ,
Самъ Богъ дѣла твои съ Высотъ благословляетъ,
Тебя изволилъ Онъ для пользы сей избрать,
Дабы отечество падуще поддержать.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

* * * *
* * * * *

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ИДАМЕ и АССЕЛІЯ.

АССЕЛІЯ.

Надежды больше нѣтъ всего ты днесь лишилась,
Въ плѣнъ Идаме на вѣкъ отъ нынѣ водворилась!
Къ чему служило вамъ злодѣя раздражать
И раздраженному противности казать.
Весь слабый смертныхъ родъ онъ силой превышаетъ,
Никто противу стать симъ Скиѳамъ не дерзаетъ.

ИДАМЕ.

Сіе содѣлать мнѣ долгъ вѣрности велѣлъ,
Необходимостью супругъ мой то почелъ,
Къ Кореаномъ безъ чувствъ отъ страха прибѣжала
И Царска сироту въ обьятіи держала,
Вручила воинству нещастнаго сего,
Сказавъ: се принесла Царя вамъ своего.
Всѣ Вои радостно меня вкругъ обступили,
Достойну честь его величію чинили;
Все войско ревностно сердца свои зажгло
И на противниковъ съ свирѣпостью пошло;
Присудствіемъ его унылы ободрились
И мужественно съ нимъ ко бранѣ ополчились.
Скиѳъ шелъ противу ихъ и смерть съ собой влачилъ,
Меня жъ узрѣвъ, опять въ неволю заключилъ.

АССЕЛІЯ.

И такъ нещастный сей младенецъ дни скончаетъ,
Едва взглянулъ на свѣтъ уже и умираетъ.
Супругъ твой жизнь свою съ нимъ вкупѣ прекратитъ.

ИДАМЕ.

ИДАМЕ.

Увы! ихъ обоихъ смерть скоро поразитъ,
И ежели еще ударъ сей не свершился,
То жить поноснѣйше супругъ мой осудился.
Мой сынъ, дражайшій сынъ! за ними въ слѣдъ идетъ,
Невинны дни его мечь лютый пресѣчетъ.
Среди сраженія, среди кровава бою,
Велѣлъ мнѣ Чингисъ-Ханъ явиться предъ собою;
Онъ страшный видъ ко мнѣ пришедшей возводилъ
И тигру въ лютости тогда подобенъ былъ,
Который злобный видъ ко агнцу обращаетъ
И смерть мучительну ему уготовляетъ:
Такъ онъ возносилъ стократъ окровавленный мечь,
Стремяся ко Царю и къ сыну жизнь пресѣчь.
Отчаянна тогда къ ногамъ его упала,
Отъ страха внѣ себя безчувственна лежала,
Стеная, юныхъ дни просила пощадить
И жадный крови мечь свой въ грудь мою вонзить;
Но онъ взоръ отъ меня свирѣпый отвращаетъ,
Рукою мстительной отъ мѣста отторгаетъ;
Задумчивъ и свирѣпъ оставя насъ идетъ
И обратяся вспять, видъ ужаса несетъ;
Мысль люту премѣнивъ ко Воинамъ стремится,
Почто, вѣщаетъ имъ, отмщенье наше длится!
Всякъ жадный крови взоръ на варвара металъ
Къ убійству лютаго велѣнья ожидалъ.

АССЕЛІЯ.

Когда приказъ еще злодѣйскій не свершился
И вѣрный твой супругъ еще не умертвился:
Иди и испроси, что бъ казнь онъ не чинилъ,
На милость бы свой гнѣвъ къ нещастнымъ премѣнилъ.

Любя

Любя тебя, сего онъ вѣрно не откажетъ,
И цепь со плѣнниковъ со всѣхъ онъ снять прикажетъ.

ИДАМЕ.

Не думаю, что бъ тѣмъ онъ гнѣвъ свой утолилъ,
Онъ въ ненависть любовь ту зверску премѣнилъ;
Свирѣпымъ для меня и лютымъ онъ казался,
Слезами и тоской моею забавлялся.

АССЕЛІЯ.

Премѣнѣ таковой не льзя такъ скоро быть,
Какъ страстно такъ любя изъ мыслей истребить?

ИДАМЕ.

Любовь ли онъ ко мнѣ иль ненависть питаетъ;
Жить болѣ Идаме на свѣтѣ не желаетъ.
Предвижу впредь я жизнь поносную имѣть
И для того уже мнѣ должно умереть.

АССЕЛІЯ.

О коль, ужасное ты дѣло предпріяла!

ИДАМЕ.

Хотя судьба меня столь люто покарала:
Но Богъ въ нещастіи мой разумъ подкрѣпилъ,
Отважность съ горестью моею соравнилъ.
Я прежде крѣпости такой не ощущала;
Но днесь въ нещастіяхъ и горестякъ познала.
Не страшенъ мнѣ теперь свирѣпый Чингисъ-Ханъ,
Хотя къ ногамъ его и цѣлый свѣтъ попранъ;
Мученія и грозъ его я не робѣю,
Своею участью сама теперь владѣю.

АССЕЛІЯ.

Останется забвенъ плодъ нѣжности твоей
И въ горести сужденъ влачить теченье дней.

ИДАМЕ

ИДАМЕ.

Ты крѣпость симъ мою во слабость претворяешъ
И сердце скорбное вновь горестью пронзаешъ.
О коль, ужасную я жертву приношу!
И какъ толикія напасти преношу!
Чегобы для тебя, мой сынъ! не учинила!
Я бъ жизни своея сто разъ не пощадила;
Быть можетъ Чингисъ-Ханъ его и не узритъ,
Величествомъ своимъ побѣдами покрытъ.
Окрестъ его Цари дни злы оканчеваютъ
И въ прахѣ на землѣ стенящи умираютъ.
Во дѣйствіяхъ такихъ стремленье мыслемъ дастъ,
А сына моего забвенію предастъ:
Или любя меня свирѣпость умягчится
И жалкаго сего невинность пощадится.
Единой только сей надеждою я льщусь,
И умирающа утѣшною кажусь:
Ещель онъ ненависть ко праху возъимѣетъ
И прежде столь любя о мнѣ не пожалѣетъ,
Свирѣствомъ моему рожденью будетъ мстить.

Явленіе 2.

ИДАМЕ, АССЕЛІЯ, ОКТАРЪ и ВОИНЫ.

ОКТАРЪ.

Царь скоро обѣщалъ въ сіи чертоги быть:
Прибытія его Идаме ожидайте:

(*Къ Воинамъ.*)

Вы къ юношамъ отсель на стражу поспѣшайте,

Что бъ

Что бъ стражъ въ оружiи при дверяхъ оныхъ былъ
И что бъ ни внутрь, ни вонъ никто не проходилъ.

(*Къ Асселiи.*)

Оставте насъ . . . .

ИДАМЕ.

Коль зрѣть Монархъ меня желаетъ,
Прихода своего здѣсь ждать повелѣваетъ,
Позвольте, что бъ супругъ глазамъ моимъ предсталъ
И вмѣстѣ милости со мной Монаршей ждалъ.
Коль мысль отъ лютости его пришла къ покою,
Уже ль не сжалится надъ бѣдною четою.

ОКТАРЪ.

Не прежнихъ здѣсь Царей надъ вами нынѣ власть,
Премѣнная судьбы се вашей нынѣ часть
Подъ строгостью теперь вы нашего закона,
Все намъ покорено, Держава, Скиптръ, Корона;
Другiя времена, обычаи пришли,
Въ оковахъ нынѣ вы, дни вольности прошли.
Не Скипетромъ народъ, мечемъ Царь управляетъ,
Онъ стону и слезамъ ни мало не внимаетъ.
Покорная земля законъ его хранитъ;
Отъ гнѣва же его Вселенная дрожитъ,
Огромны зданiя и стѣны, градъ валятся,
Здѣсь Идаме должна приказа дожидаться.

Явленiе 3.

ИДАМЕ *одна.*

Нещастныхъ Богъ! къ тебѣ мольбу я возношу!
Се помощи твоей въ злой участи прошу!

Посли

Посли съ высотъ Небесъ ко сердцу угнѣтенну,
Печалью, горестьми прелютыми пронзенну,
Посли къ трепещущу отъ Горнихъ благъ своихъ
И подкрѣпи меня въ сей безднѣ золъ моихъ.

Явленїе 4.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ, ИДАМЕ, ОКТАРЪ, и ВОИНЫ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Ко гнѣву вящему меня ты раздражаешъ,
Неблагодарностью за милость отвѣчаешъ;
Довольно рвенїе свое сердечно крылъ,
Все тщетно, что тебя къ покорности молилъ.
Ты слухъ свой отвратившъ, упорной пребывала
И гнѣвъ мой и любовь мою пренебрегала:
Ты, къ коей столько я любовью былъ разженъ,
Ты, кою столь любилъ и мстити принужденъ.
Измѣны я твои всѣ ясно познаваю
И казнь съ часа сего вершить повелѣваю.

ИДАМЕ.

Въ послѣднїй разъ тебя дерзаю здѣсь просить,
Что бъ все во мнѣ одной свирѣпство потушить.
Рази! виновна я, что долгъ свой исполняя,
Противлюся еще, твою свирѣпость зная.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Я съ тѣмъ сюда пришелъ, что бъ гнѣвъ свой обнажить;
Однако жъ все забывъ, могу тебя простить.
Простить!... кого!.... тебя! нѣтъ, гнѣва ужасайся;
Зрѣть сына своего на вѣкъ отчаявайся.
Уже въ моихъ рукахъ сынъ Царскїй состоитъ
И недостойный твой супругъ тамъ дни влачитъ,

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ любьви съ тобою пребываетъ,
Уже рука моя сразить его желаетъ,
Мятежникомъ противъ меня дерзаетъ быть
И наглость своея измѣны обнажить.
Онъ тысящу смертей за то пріять судится:
Причиной ты одна, что казнь ихъ не вершится,
Еще дерзаешъ мнѣ презрѣніе казать.
Не буду плѣнницу я больше убѣждать,
Коль хочешъ, что бъ онъ живъ на свѣтѣ семъ остался,
То, что бы разумъ твой о немъ не занимался:
Или я принужденъ цепь вашу разорвать,
Дни смертію ему поносною скончать.
Въ крови его рука моя какъ обагрится,
На гробѣ ты его должна мнѣ покориться;
Но Скиѳа чувствія ты Идаме познай!
Достойнымъ своего днесь сердца почитай.
Подобными въ дѣлахъ насъ Небо сотворило;
Но въ душу моея ту гордость поселило,
Что бы твоею ей на вѣки обладать
И что бы вмѣстѣ намъ, въ блаженствѣ пребывать.
Когда бракъ Идаме поносный позабудетъ,
Тогда включенъ твой сынъ въ число дѣтей мнѣ будетъ;
Симъ юность Царскую отъ смерти сохранишъ
И плачь страны сея на радость премѣнишъ;
Супругъ твой жизнію пріятной насладится,
Достоинствъ всѣхъ своихъ онъ прежнихъ не лишится.
Народъ премѣны ждетъ, сынъ, Царь, супругъ и я,
Всѣхъ щастье держитъ то, что бъ ты была моя.
Одной руки твоей на свѣтѣ семъ желаю,
Любовію томимъ и пламенемъ сгараю:
Люблю тебя еще и буду, то познай
И гордыхъ прелестей противъ не воружай!

Брегися

Брегися раздражить мой гнѣвъ ожесточенный,
Къ отмщенію уже тобою всплamененный:
Вселенну покоривъ, тобой себя гублю,
Гнѣвлюся, злобствую, а все еще люблю;
Вздыхая о тебѣ, тебѣ и угрожаю,
Еще въ послѣдній разъ тебя я умоляю!
Отъ слова твоего сей градъ премѣны ждетъ;
Иль паки возрастетъ, или совсемъ падетъ
Не медли, прореки всѣмъ гибель, иль спасенье,
Что долженъ я тебѣ, любовь или отмщенье?

ИДАМЕ.

Любовь достойною всего меня чинитъ,
Отмщеніе твое мнѣ смертію жъ грозитъ:
Суди ты самъ меня, и коль ты здѣсь Владѣтель,
Будь правосудіемъ нещастію свидѣтель;
Съ собой самимъ, суди, не въ томъ я говорю,
Что я противницей дерзаю быть Царю:
Забвенну правоту тебѣ воспоминаю
И безпристрастнаго сужденья ожидаю;
Какъ мнѣ безбожное столь дѣло учинить?
Противъ себя меня самъ можешъ оправдить.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

И такъ уже когда ты мщеніе избрала,
И прозьбѣ сей моей послѣдней отказала,
Легко симъ ненависть могла ты возбудить,
И такъ уже ее едва до сель могъ крыть.
Достойно ярый гнѣвъ тебѣ свой обнажаю,
Супруга твоего лютѣйше покараю,
И сынъ увянетъ съ нимъ; послѣдню Царску кровь
Замѣной за сіе упорство мнѣ готовь.

Симъ словомъ всѣхъ на смерть жестоку осудила,
Народъ свой въ вѣчный плѣнъ отъ нынь поработила.
Не я, сама ты ихъ сей смертїю казнишъ;
Приказъ уже сей данъ и вскорѣ ты узришъ.

ИДАМЕ.

Безбожный!

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Я совсемъ противнымъ быть казался;
Но днесь я праведно симъ именемъ назвался.
Нѣжнѣйшимъ былъ досель любовникомъ твоимъ,
А нынѣ чти меня Владѣтелемъ своимъ;
Познай во мнѣ врага ко звѣрству устремленна,
Отъ жалости совсемъ и плача отчужденна;
Любовь я прежнюю на вѣки истребилъ
И въ сердце мщенїе и ненависть вмѣстилъ.

ИДАМЕ.

Властителемъ тебя я строгимъ почитаю,
Къ колѣнамъ падъ твоимъ стопы твои лобзаю,
Яви послѣднїй знакъ мнѣ милости твоей.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Безчеловѣчная ждешъ милости моей!
Встань, прозьбѣ я твоей еще готовъ внимати,
Нѣжнѣйшихъ чувствъ твоихъ могу ли ожидати?
Что хочешъ говори!

ИДАМЕ.

Коль смѣю испросить
Съ супругомъ, что бы мнѣ свиданье учинить.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Еще прощенїе твое я исполняю,
Еще съ супругомъ разъ свиданье позволяю:
На правый путь я мню онъ умъ свой обратилъ,

И ослушанїе изъ мыслей истребилъ,
И быть соперникомъ мнѣ больше не дерзаетъ;
Онъ хитро изъ моихъ рукъ Принца похищаетъ.
Такїе предо мной преступки учинилъ,
А смерть и по сїе еще я время длилъ.
Пускай свободою тебѣ онъ долженствуетъ,
Которую ему рука моя даруетъ.
Смерть люту иль разводъ, любое бъ избиралъ
И чрезъ тебя бъ теперь отвѣтъ мнѣ свой сказалъ.

(*Уходитъ.*)

ИДАМЕ.

Ужель отважность ты мнѣ въ сердце поселилась,
Въ намѣреньяхъ своихъ ужель я утвердилась!

Явленїе 5.

ЗАМТИ И ИДАМЕ.

ИДАМЕ.

О ты! котораго толико я люблю,
Желанїя свои и мысль къ тебѣ стремлю,
Всѣмъ смертнымъ въ свѣтѣ семъ тебя предпочитаю!
Бывъ вѣрною тебѣ, окончить дни желаю:
Се нашъ послѣднїй часъ, извѣстенъ ли о семъ!

ЗАМТИ.

Извѣстенъ.

ИДАМЕ.

Юный Царь, въ старанїи твоемъ,
На смерть жестокую тираномъ осудился.

ЗАМТИ.

Напрасно сохранить я дни Царевы льстился;
Отрады сей не могъ въ стараньи возъимѣть,
Желанья не свершивъ суждаюсь умереть.

ИДАМЕ.

Мой сынъ, любезный сынъ! что слѣдуетъ съ тобою?
Прости смятенія, которое не крою!
Прости! вздыхающу меня въ послѣдній разъ,
Премѣну узришъ ты и твердость сей же часъ.

ЗАМТИ.

Цари въ гробахъ своихъ лежатъ окровавленны;
Оставшись смертные всѣ рабствомъ угнѣтенны;
О тѣхъ намъ должно днесь крушася воздыхать,
Которы суждены, еще здѣсь живъ, стенать.

ИДАМЕ.

Поноснѣйшую смерть тебѣ уготовляютъ.

ЗАМТИ.

Давно противники мои того алкаютъ:
Приказа я сего злодѣйска ожидалъ,
Которой на конецъ, столь медля онъ, отдалъ.

ИДАМЕ.

Внемли! на что намъ смерть отъ варваръ ожидати,
Коль участью своей мы можемъ управляти.
Вола на жертвенникъ къ сожженію ведутъ;
Изъ смертныхъ же однихъ преступниковъ влекутъ.
Но кто великости душевны ощущаетъ,
Тотъ самъ при крайности ко смерти прибѣгаетъ.
И такъ ли человѣкъ на свѣтъ произведенъ!
Что бъ былъ толико онъ въ свой вѣкъ порабощенъ;

Сосѣди

Сосѣди намъ примѣръ во твердости являютъ,
Они поносно жить злѧй смерти почитаютъ.
Японецъ въ крайности не будетъ ждать того,
Чтобъ дерзскiй Властелинъ окончилъ дни его;
Мы прежде Островянъ сихъ храбрыхъ поучали,
Но на конецъ у нихъ заимствовати стали;
Познаемъ, умереть научимся у нихъ,
Не будемъ въ страхѣ ждать отъ варваровъ своихъ.

ЗАМТИ.

Правдиво сей совѣтъ твой разумъ предлагаетъ,
Нещастье иногда законы превышаетъ.
Сiе намѣренье и я предпринималъ;
Но способа въ плѣну къ сему не обрѣталъ.
И такъ мы въ жертву имъ себя приготовляемъ,
Согбенны варварствомъ, злой смерти ожидаемъ.

ИДАМЕ *вынимая кинжалъ.*

Ударь, рази, умри, пади и ты со мной!

ЗАМТИ.

О небо!

ИДАМЕ.

Учини конецъ напасти злой,
Вскрой сердце ты мое безчестьемъ оскорбленно.
Во дни претекшiе напастьми упоенно,
Сама бъ окончила я лютый свой животъ;
Но млѣю, что ударъ не вѣренъ будетъ тотъ.
Вонзи кинжалъ ты сей неробкою рукою!
Скрѣпись, верши ударъ надъ вѣрною женою!
Супружней кровiю себя ты обагри!
Ударь, и самъ по томъ съ нещастною умри.
Въ послѣднiй разъ тебя супругъ мой обнимаю,
И ревность возбудить въ тиранѣ симъ желаю.

ЗАМТИ.

Дай мечь, и взоръ драгій на вѣки отврати!
Достойнѣйшій предмѣтъ! въ послѣдній разъ прости.

ИДАМЕ.

Верши... ударь... рази; но что тебя смущаетъ?

ЗАМТИ.

Нѣтъ силъ!..

ИДАМЕ.

Твой долгъ.

ЗАМТИ.

Но ахъ! меня то ужасаетъ!

ИДАМЕ.

Ударь, и мечь во грудь себѣ ты обрати!

ЗАМТИ.

Собою отворю сіи тебѣ пути.

ИДАМЕ *отвращая его руку.*

Рази меня, рази!.....

Явленіе Послѣднее.

ЧИНГИСЬ-ХАНЬ, ОКТАРЬ, ЗАМТИ,

ИДАМЕ. и ВОИНЫ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ

сопровождаемъ воинами вырываетъ у Замти мечь.

Ахъ! что вы предпріяли?
Нещастные къ чему, къ чему вы приступали!

ИДАМЕ.

ИДАМЕ.

Изъ рукъ твоихъ хотимъ себя освободить
И участи своей судьбину облегчить.

ЗАМТИ.

И въ самой смерти къ намъ ты зависть ощущаешъ,
Что нить злощастныхъ дней прервати воспрещаешъ!

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Властитель, Боже, Ты надъ участью Царей!
Свидѣтелемъ Ты Самъ всей слабости моей,
Коль много мы Державъ Тобою покорили;
Но славы стоющихъ себя не учинили!
Права надъ сердцемъ тѣмъ, ты Замти нынѣ взялъ,
Которое я вѣкъ сгарая обожалъ.
Для вѣры жизнь свою она пренебрегаетъ,
Что бъ вѣрною пребыть, ко смерти прибѣгаетъ;
Уже исторгнутый межъ вами зрѣлъ я мечь,
Твоей рукой она желала жизнь пресѣчь,
А нѣжныхъ чувствъ моихъ обьятїй убѣгаетъ
И сердце преданно и страстно презираетъ:
Но скоро власть свою возчуствовать вамъ дамъ.

ИДАМЕ.

Она извѣстна ужъ обширнымъ симъ странамъ.

ЗАМТИ.

Безчеловѣчїемъ еще ли угрожаешъ.

ИДАМЕ.

По что еще ты длишъ и смерть не возвѣщаешъ.

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Я правосудїю себя здѣсь научилъ,
Невѣроятнымъ симъ дѣламъ свидѣтель былъ:

Люблю васъ обоихъ, люблю и удивляюсь,
Изъ побѣдителя я плѣнникомъ являюсь;
Стыжусь на Тронѣ бывъ и славой окруженъ,
Что въ добродѣтели я съ вами не равенъ:
Побѣдами я мнилъ отъ прочихъ отличиться;
Но тщетно вижу нынь, что вами то мрачится.
Не думалъ, что бъ я былъ собою усмиренъ;
Но днесь то познаю и вамъ симъ одолженъ,
Вамъ честь та подлежитъ, меня что премѣнили,
Изъ побѣдителя Царя что учинили.
Воспользуйтесь отъ нынь свободою своей,
Ведите въ радости своихъ теченье дней!
Я Царска отрока вамъ въ вѣрность поручаю,
Отцемъ ему себя отъ нынѣ нарекаю,

(*Къ Замти.*)

Вѣстителемъ ты будь законовъ симъ странамъ,
И обьясняй ты ихъ столь свято, какъ ты самъ;
Что бъ справедливости народы поучались
И побѣдители, что бъ плѣннымъ покорялись;
Что бъ мудрость царствуя на Тронѣ здѣсь была
И храбрымъ всѣмъ дѣламъ она, что бъ впредь текла.
Собой примѣръ даю, я трономъ здѣсь владѣю,
Но имъ противиться и нарушать не смѣю,
На вѣки имъ отъ нынь себя поработилъ,
Оружїе въ рукахъ, главу свою склонилъ.

ИДАМЕ.

Что слышу я!

ЗАМТИ.

И такъ ты славой озарился!
Отцемъ изъ варвара народу днесь явился.
Онъ будетъ, Государь, въ свой вѣкъ тебя любить
И бывъ въ плѣну свои оковы будетъ чтить.

Все что на свѣтѣ семъ тобой ни покоренно,
Явится милостью твоей одушевленно:
Всякъ плѣнный за тебя готовъ пролити кровь.

ИДАМЕ.

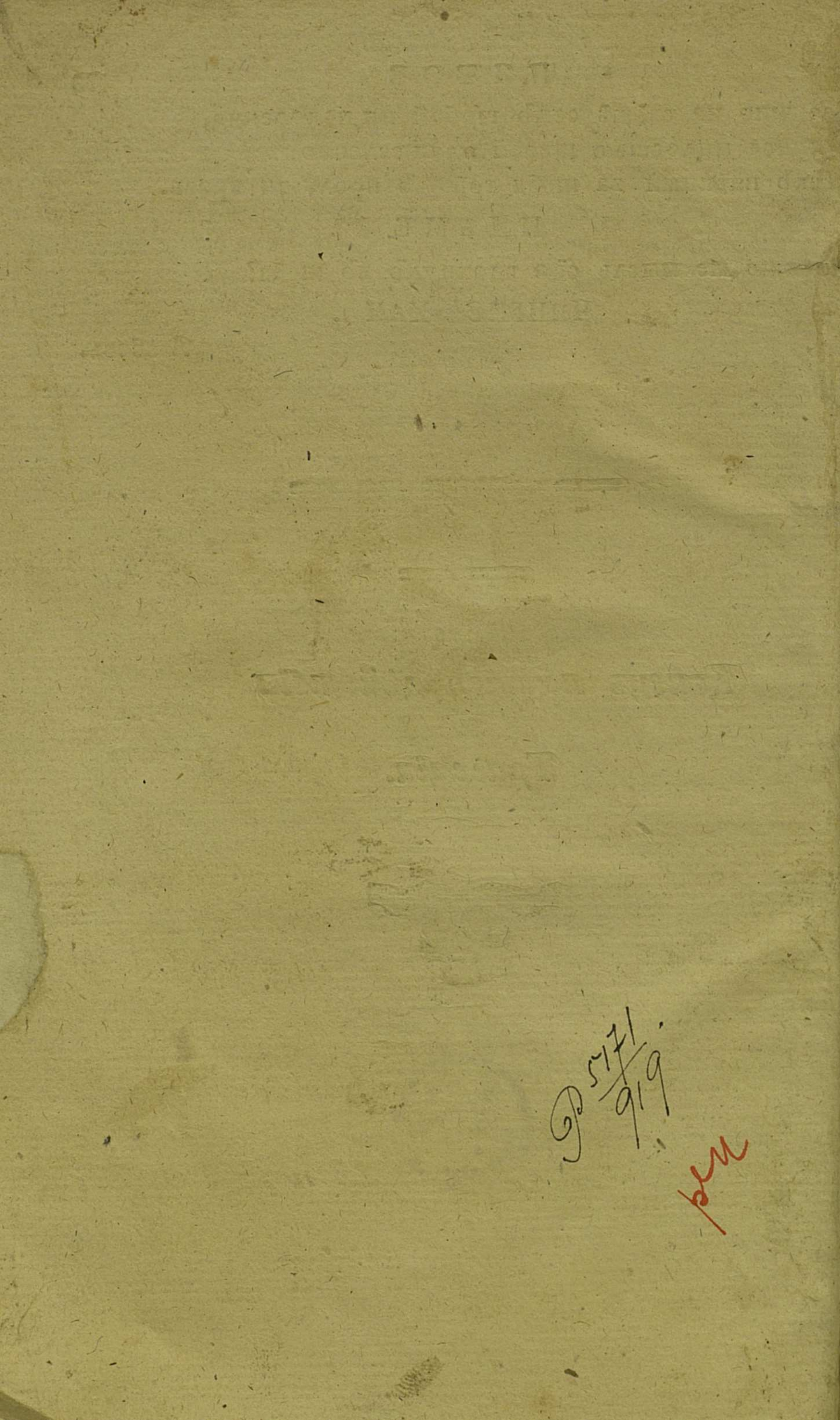
Но кто же мысль сїю вдохнулъ въ тебя?

ЧИНГИСЪ-ХАНЪ.

Любовь.

Конецъ пятаго дѣйствїя
и
Трагедїи.




P 5171/919

